

Татьяна Беспалова

ЖЕСТОКИЕ ЗАБАВЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Беспалова
Жестокие забавы

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Беспалова Т. О.

Жестокие забавы / Т. О. Беспалова — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Действие романа разворачивается в Москве и Московской области. Странные сущности бродят по улицам огромного города. Обольщают, похищают сбережения, устраивают взрывы в квартирах, предадут огласке тайные любовные похождения и финансовые махинации, спаивают, совращают, ссорят супругов. Главный герой трудится на незначительной должности в частной фирме. Волею судеб он становится свидетелем покушения на жизнь важной дамы. По просьбе любимой девушки Кати он начинает расследование и скоро нащупывает след странной шайки. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	44
Глава 16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Все имена и факты, события и ситуации, описанные или упомянутые в этой книге, являются вымышленными. Автор заранее слагает с себя ответственность за любые случайные совпадения. Благодарю за создание обложки фотохудожника из Самары Ольгу Уварову.

Пролог

Лариса толкнула дверь носком ботинка «Тимберленд». Вошла в конференц-зал. Столы поставлены буквой П, вокруг подпирающей потолок колонны. Она знала, там, возле колонны стоит разболтанное офисное креслице на роликах. Она видела постные лица своих судей, их прищуренные глаза и поджатые губы. Ну, сейчас она задаст им жару!

Лариса с размаху плюхнулась на шаткое сидение, закинула ногу на ногу, показывая строгим судьям нечистые подошвы ботинок. Подол не удосужилась одернуть. Пусть эти твари поглазеют на её стройные ноги, обтянутые белым кружевом чулочков, пусть позлятся! Твари расположились за столом. Просторно расселись. В центре сама Наина Генриховна Убывалова – зеленые глаза блестят, пухлые губки подкрашены. Справа от неё Балдошка – лицо, как обычно бледное, волосы прилизаны, воротник блузки скучного вдовьего цвета закрывает грудь и шею. Слева – Буланчик. Красив же, стервец! Волосы – рыжие, глаза – черные, как омуты. Раз увидишь – век не забудешь. Наина Генриховна барабанила по столу розовыми ноготками.

– Итак, Епискина, – вздохнула она с притворным сочувствием, – мы пригласили тебя на согласительную комиссию, чтобы предоставить последнюю возможность оправдаться. Начиная, Балдошка!

– Четвертого мая сего года гражданка Епискина явилась в Солидное учреждение с опозданием на пол часа в нетрезвом виде, в шортах, без бюстгальтера, но в майке с бранной надписью на спине, гласившей...

Балдошка запнулась. Перед ней на столе были разложены листки бумаги, заполненные распечатанным на принтере текстом. Она шарила глазами по строчкам, поджимая тонкие губы.

– Ну же! – Наина Генриховна негодовала.

– Чего ты там измышляешь? – развязно заявила Лариса. – «Идите в жопу, пидарасы» – так было написано на моей маечке. Ни одного матерного слова! Разве это брань? А насчет бюстгальтера, носить его или не носить – это мое личное дело! А может быть, он мне трет!

– Пятого мая сего года гражданка Епискина не посредственное на рабочем месте употребляла алкогольный напиток виски «Белая лошадь» и была обнаружена Наиной Генриховной Убываловой в состоянии тяжелого алкогольного опьянения... – невозмутимо продолжила Балдошка.

– Ох, тяжел отходняк после дерьмового бухла! – вздохнула Лариса, закатывая глаза под самый козырек твидовой кепки.

Лариса Епискина – известная в Москве многим хулиганка, демоница лукавства и злых шуток, любила шелковые атласные и креповые платья, непременно короткие и непременно отделанные кружевами, твидовые кепки и крепкую устойчивую обувь. Лариса непрестанно, одну за другой, курила тонкие сигаретки и носила во внутреннем кармашке пальтеца фляжечку с коньяком. Не пьянства ради, а так, для куража.

– Руководство Солидного учреждения, – продолжала Балдошка, – обязало гражданку Епискину написать объяснительную записку с указанием причин столь возмутительного поведения...

– Слушай! – Лариса уже стянула с головки кепку и теперь вертела её в руках, пытаясь прикрепить к околышу розочку из золотой фольги. – Я же всё очень толково написала... как всегда. Что ж, по-твоему я не умею писать объяснительные записки?

– Так... – Наина Генриховна приподнялась.

Председательствующая согласительной комиссии сжимала в руке измятый листок. На носу Наины Генриховны красовались очки в тонкой металлической оправе.

– «Сколько ж можно домогаться до честной труженицы...», – Наина Генриховна читала громко, отчетливо произнося каждый звук.

Многоголосое эхо, отражаясь от высокого потолка, на все лады повторяло каждое слово.

– Я, Ларочка Епискина – Наина Генриховна усмехнулась – работаю как ломовая лошадь целыми днями, поэтому периодически испытываю вполне понятную потребность расслабиться и выпить...

– Что за бред! – воскликнула Балдошка.

– Епискина нарушила пункт 13 Устава Солидного учреждения. – авторитетно заявил Буланчик.

– Итак... – Наина Генриховна изобразила на лице сожаление. – К моему глубокому прискорбию... я ведь так много вложила в тебя... Епискина, ты уволена! Все согласны? Все согласны! Согласительная комиссия завершила свою работу!

– Из чертей нельзя уволить! – внезапно такой музыкальный до этого голосок Ларисы, сделался низким и хриплым. – Счас я укорочу тебе прическу! Ой, укорочу!

– Не имеешь права! – пролепетала Наина Генриховна. Кресло жалобно скрипнуло под её обессиленным телом.

Но Ларочка уже стояла на столе, попирая нечистыми подошвами листы канцелярской бумаги.

– Сейчас-то как раз и поймею! – рывкнула Епискина, заноса «Тимберленд» для первого удара.

Глава 1

Бизнесмен Огурцевич имел склонность впадать в гнев. Гневливое настроение всегда наступало внезапно, но подолгу не длилось. В состоянии гнева Огурцевич багровел лицом и, заикаясь, матерился, невзирая на пол, возраст и звание присутствующих лиц. Впрочем, нервность Огурцевича не имела веских оснований. Бизнес его процветал, планы громоздились один на другой. Успешная реализация любого из них обещала обернуться со временем неплохими барышами.

И в наши смутные времена крестьянский общинный дух также присущ русскому человеку, как и сто, и двести, и триста лет тому назад. Несмотря на революции, войны, моровые поветрия, перестройки и смены экономических формаций, психология, пока ещё многочисленных, потомков русского народа мало изменилась. Мы по-прежнему гордимся своей отчиной, и как прежде, надеясь на авось, ничего не хотим делать для её величия без принуждения. Широко распространены ещё на Руси Ильи Муромцы, которые годами не встают с печи, а поднявшись с неё на непродолжительное время и совершив череду героических деяний, опять залегают на печь на долгие годы. Результаты же героических деяний пропадают втуне, ценности обесцениваются, идеалы меркнут – жизнь идёт своим чередом. Между тем в городах и весях России от пьяниц-мужей женщины продолжают рожать патриотов Мининых, полководцев Пожарских и даже мыслителей Ломоносовых.

Сотрудники фирмы «Научно-технический продукт» почти все поголовно имели высшее техническое образование, являясь выпускниками престижных технических ВУЗов. Именно это обстоятельство возбуждало вполне обоснованную гордость в сердцах этих потомков крестьян – общинников. Столь причудливый менталитет неизменно сказывалось на ритме и качестве работы сотрудников «Научно-технического продукта». Персонал фирмы трудился героически, но не регулярно.

Производство научно-технического продукта в фирме господина Огурцевича начиналось с утреннего кофе– или чаепития (по желанию), с обсуждения дел домашних, семейных и личных. Неторопливая утренняя беседа лилась подобно тонкой струйке ароматного напитка, который сочится из кофеварки. Беседа людей с высшим техническим образованием, окончившим серьёзные столичные ВУЗы, не может быть несодержательной. А современный научно-технический продукт в это время ждал своей очереди в виде электронных таблиц, баз данных и прочей технической галиматши. Фирма занималась очень серьёзными разработками, к которым испытывали интерес различные государственные структуры и прочие органы федеральной исполнительной власти. Поэтому объём распорядительно – разрешительных документов с каждым годом возрастал. Всё чаще ведущим специалистам «Научно-технического продукта» приходилось отвлекаться от творческой деятельности и погружаться в скучную рутину заявлений и справок, которые во множестве направлялись в различные учреждения. В ответ рассчитывали получить документы на синем, зелёном, голубом или желтом бланке с водяными знаками. И в документе этом непременно должно быть указано, что научно – технический продукт в фирме Олесея Огурцевича производится при полном соблюдении самых жестких требований.

Помимо тяжёлых климатических условий в столичном регионе, пробок на дорогах и невыносимой давки в общественном транспорте, персоналу фирмы «Научно-технический продукт» обивать пороги в различных государственных учреждениях мешало природное, крестьянское презрение русского человека к государственным чиновникам.

Именно поэтому в особо важных случаях, требующих пристального внимания руководства фирмы, господин Огурцевич обивал пороги собственной персоной.

Тем летом крутая сущность Огурцевича докатилась до офиса Солидного учреждения, где последние двадцать лет трудилась руководителем одного из структурных подразделений Наина

Генриховна. Олесь Огурцевич явился в её начальственный кабинет, уставленный цветочными горшками различных размеров и конфигураций.

Бизнесмен и ранее бывал в кабинете, при входе в который на стене красовалась золоченая табличка «Убывалова Наина Генриховна. Начальник отдела вневедомственных сношений». За столом, в кожаном кресле, восседала сама Наина. На её прямых плечах покоился воротник белой блузки, отделанный в стиле ришелье. Округлые глаза начальника отдела взирали на посетителя строго, пухлые губы были плотно сжаты. Уже не первую неделю господин Огурцевич пытался получить от Наины Генриховны вразумительный ответ на простой вопрос: когда? Когда будет принято решение по поводу его важного и срочного дела? Когда «Научно-технический продукт» получит документ на голубом бланке с синей печатью в углу и начальственной подписью посередине? Уже давно перечислен на расчетный счет Солидного учреждения авансовый платёж. Уже истекли сроки, отведённые на экспертизу документов. Однако ответов на свои вопросы бизнесмен пока так и не сумел добиться. В сердцевине дородного тела Олесь Огурцевича медленно начал закипать гнев.

А Наина, округляя свои зеленоватые глаза, всё крутила-вертела беседу вокруг да около. Пытаясь разобраться в смысле туманных фраз, обильно извергаемых пухлыми губками начальственной дамы, Огурцевич испытал приступ гнева необычайной силы. Побагровев и обильно взмокнув, Огурцевич, однако, всё ещё держал себя в руках и решил подойти к решению вопроса с другой стороны, предпочтя пути прямому и официальному дороги окольные, но результативные.

Чинно распрощавшись с загадочно улыбавшейся Наиной, бросив своё дородное тело в новенький автомобиль марки «Ауди» алого цвета, бизнесмен направился в милый сердцу «Научно-технический продукт», надеясь ещё застать окончание чаепития своего персонала и отвести душу в родных стенах.

Наина осталась в кабинете одна. «Тоже мне! Бизнесмен, а простых вещей не понимает», – произнесла она ехидно, обращаясь к лимонному дереву, произраставшему в огромном горшке. Дерево это макушкой упиралось в самый потолок.

Буланчик, демон похоти и тщеславия, и Балдошка, демоница гордыни и стяжательства, тихонько сидели под лимонным деревом. Их попки покоились на округлых камешках гидропонники, спинки упирались в белесый ствол лимонного дерева. Сейчас они выглядели такими малютками, игрушечными пупсиками, в которых так любят играть девочки детсадовского возраста. Оба помалкивали, опасаясь большого и тяжелого дырокола, который покоился на столе Наины Генриховны, и которым начальственная дама не замедлила бы воспользоваться, пророни они в такой драматический момент хоть слово.

Наина Генриховна боялась старческой немощи, высокого руководства, подслушивающих устройств, угонщиков автомобилей и уличных маньяков.

Глава 2

Валюшка в тот день явилась в начальственный кабинет самочинно, без особого приглашения. Привели её дела важные и неотложные. В руках Валюшка держала объёмистую папку типа «Корона», наполненную бумагами. На верхней обложке папки красовалась этикетка «Центр освоения периферии».

– Когда вы намерены отправиться в Стремовск? – спросила Наина Генриховна, не поднимая лица от бумаг.

Лимонное дерево трепетало, упираясь верхушкой в потолок, на ветвях его весело раскачивались Балдошка и Буланчик.

– Не поеду я в ваш Стремовск! – авторитетно ответила Валюшка – Нет времени! Некогда! Или командуйте на всю неделю или мне некогда торопиться.

Между делом она добавила ещё парочку непечатных слов. Наина Генриховна скривилась.

– Где вы были вчера с часу до трёх в рабочее время? – еще более грозно спросила она.

– Оплачивала в банке счет за квартиру, там была большая очередь, – незамедлительно ответила Валюшка.

– В Стремовск поедете на следующей неделе и только на три дня. Нечего там всю неделю торчать! Активней надо работать, активней!

Не успела начальственная дама изречь окончание фразы, как папка «Корона», брошенная рукой, раздосадованной Валюшки, взмыл в воздух. Одновременно с папкой в движение пришла Балдошка. Стремительно сорвавшись с ветки и совершив невероятный кульбит в воздухе, Балдошка изящным жестом маленькой ручки изменила траекторию полета папки, и та грохнулась на стол прямо перед носом Наины Генриховны.

– Задолбал этот Стремовск, – мрачно изрекла Валюшка, покидая начальственный кабинет, чтобы в уединении насладиться плодами маленькой победы злобы над подобострастием.

– Уж я-то не промахнусь! – заявила Наина Генриховна и в сердцах ударила Балдошку увесистой папкой и разрыдалась.

Балдошка тихонько взвыла, а Буланчик, волоча за собой летающую папку, забился за огромный горшок.

Ангелина Адамовна и Лилия Гиацинтовна составляли ту часть коллектива Солидного учреждения, с которой Наина поддерживала приятельские отношения. Ангелина Адамовна была очаровательна, глаза Лилии Гиацинтовны и верхнюю половину лица её закрывали очки с дымчатыми стеклами в толстой роговой оправе. Ангелина Адамовна была коротко стрижена, пышно взбитая прическа Лилии Гиацинтовны волной ниспадала ей на плечи. Ангелина Адамовна носила строгие костюмы-двойки и блузки неброских расцветок, Лилия же Гиацинтовна предпочитала свободные балахоны расцвеченные яркими принтами, скрывающими недостатки её располневшей фигуры. Ангелина Адамовна всё больше помалкивала, зато Лилия Гиацинтовна говорила без умолку. Тут же в уголке примостились сердитая Валюшка и её старушка-подружка. Изо ртов у всех дам торчали дымящиеся сигареты.

– Всё-то ты знаешь, Лилия, – сверкнув зелёным глазом, изрекла Наина. – С такими глубокими познаниями давно бы уж смогла блестящую карьеру сделать, как, например, сделала её я. Хотя моего уровня невозможно достичь простому человеку, как ты.

«Вот и ехала б сама в свой Стремовск и делала б там карьеру, чертова стерва» – подумала Валюшка, задумчиво улыбаясь в пространство.

– Наина, зачем так сердиться? Может быть Лилечка права? – возразила начальственной даме старушка – Валюшкина подружка низким, прокурренным голосом.

– Что ты можешь понимать?! Или ты забыла о своём статусе? «Птичьи права» – вот название твоего статуса в нашей организации, – продолжала Наина, – поэтому – молчи. Так за умную сойдёшь!

Старушка притихла. Она бы с удовольствием спряталась под столом, если бы условности общепринятых приличий не мешали ей совершить такой эксцентричный поступок. Наина Генриховна, наоборот, приободрилась, наблюдая вокруг только потупленные взгляды и смущенные улыбки.

– И где ты взяла такую кофту? – речь начальственной дамы лилась рекой. – У старьевщика купила или из ближайшего мусорного контейнера достала? И вообще, худеть тебе надо. Вон брюхо-то отвисло. Высокий служебный статус не позволяет говорить мне всё, что я думаю прямо, а то я открыла глаза на твоё убожество. Ничего, скоро тебе на пенсию – будет время задуматься о смысле жизни, хоть ты и безмозглая.

За дымчатыми стёклами в роговой оправе проскочила огненная искра. Однако на устах Лилии Гиацинтовны играла загадочная улыбка, а тело принимало позы самые вальяжные.

– И вообще, ты уже полчаса здесь сидишь. А работать кто будет? – не унималась Наина. – Смотри, отправят тебя на пенсию! Тогда и мой высокий статус в этой организации не поможет спасти тебя от увольнения. Или надеешься, что кто-то станет за тебя хлопотать? Отправляйся на рабочее место, ведь иногда и работать надо.

В этот момент Ангелина Адамовна, лучезарно улыбаясь, выпустила струйку дыма изо рта.

«Пусть тебя черти возьмут в свою адскую преисподнюю после того, как ты издохнешь в подворотне» – подумала старушка, Валюшкина подруга, сосредоточенно ковыряясь ложкой в кофейной гуще.

– А ты, Валентина, собирайся в Стрёмовск. И, повторяю, не надейся проторчать там целую неделю. И трех дней тебе хватит. Работать надо, работать... – произнеся это, Наина Генриховна глубоко и с облегчением вздохнула, как человек, исполнивший, наконец, свой долг.

Валюшка и её подруга – старушка поднялись со своих мест. Стараясь не терять достоинства в осанке, они удалились из кафетерия.

Между тем, за столом кафетерия неторопливая утренняя беседа продолжалась.

– Наиночка, ты же милая девочка! – щебетала Лилия Гиацинтовна. – Ты такая умница, ты всё знаешь. Скажи, дорогая, где лучше купить хорошее платье подешевле?

– Сначала надо тебе надо похудеть, – авторитетно заявила «милая девочка». – На такую фигуру, как у тебя, хорошее платье купить невозможно в принципе. К тому же в твои годы пора перестать носить дешевки. Со мной уже много лет общаешься, хоть бы обратила внимание, как люди одеваются. Вот и Ангелина тоже со мной согласна.

Ангелина Адамовна помалкивала, выпуская в пространство изо рта и носа колечки и струйки табачного дыма. Она закурила пятую сигаретку.

Лилия же Гиацинтовна, после последнего пассажа Наины, быстро проглотив остатки кофе и ссылаясь на чрезвычайную занятость, удалилась. За дымчатыми стёклами очков скрывались её глаза, но трудолюбивый ротик был на виду и в избытке исторгал словеса. Не далеко отойдя от дверей кафетерия, Лилия Гиацинтовна сообщила группе потрясённых сослуживцев о своей уверенности в скорой и насильственной смерти Наины Генриховны.

Глава 3

У Валюшки всё валилось из рук. Поездка в «Центр освоения периферии» плохо вписывалась в её жизненные планы, как и любая активная деятельность вообще. Всех жизненных высот она уже достигла в прошлом году. А именно: купила второе норковое манто и получила в подарок к юбилейной дате комплект ювелирных украшений из белого золота с бриллиантами. Таким образом, все Валюшкины мечты осуществились. Тем не менее, Валюшка по-прежнему часто плакала. Плакала она от голода, а голодала потому, что берегла фигуру. Зачем Валюшке в её годы понадобилась идеальная фигура? Ларочке Епискиной так не удалось получить, но фигура у Валюшки была идеальной.

Больше всего на свете (кроме шуб и бриллиантовых украшений) Валюшка любила покой и своего сына Вадимчика Кроликова. И теперь она никак не могла ехать в Стремовск. Вадимчик требовал внимания своей мамы именно сейчас. Точнее не сам Вадимчик, а один из трех его сыновей. Сам Вадимчик не мог уделить внимания ребенку из-за необходимости вновь, уже в который раз, заниматься устройством своей личной жизни.

Валюшка сама познакомила сына с Лилией Гиацинтовой. Такой альянс был выгоден во всех отношениях. С одной стороны, Лилия Гиацинтова женщина обеспеченная, одинокая и немолодая. Детей уже иметь не может и не хочет. Учитывая плодовитость Вадимчика, который от каждой из своих жен имел по ребёнку, обстоятельство немаловажное. С другой стороны, Лилия Гиацинтова полюбила Вадимчика крепкой любовью одинокой старящейся женщины, сердечно привязалась к нему и разделила с Валюшкой материнские заботы. К тому же Валюшке удавалось извлечь из этой ситуации и сугубо материальные выгоды для себя лично. Так, например, маме и сыну удалось убедить Лилию Гиацинтовну в том, что оплата Валюшкиных заграничных турне её, Лилии, священная обязанность. Валюшка одинокая женщина, вдова. Кто же поможет ей отремонтировать квартиру, если не дети? Валюшка крепко полюбила Лилечку нежной и бескорыстной любовью. А после переселения Вадимчика на жилплощадь Лилии Гиацинтовой, дружба и любовь двух почтенных дам стала твёрже цемента.

Вот и теперь Лилия Гиацинтова прямо из кафетерия отправилась следом за Валюшкой в её кабинет, обсудить сложившуюся обстановку.

– Наина строит козни против Ангелины, – заявила Лилия Гиацинтова, прикрывая дверь Валюшкиного кабинета.

– Мыслимо ли это, лапочка моя! – печальным голосом ответила Валюшка.

– Я знаю это наверняка! – Лилия Гиацинтова очень гордилась тем, что знала всё и обо всех.

На голубенькие глазки Валюшки набежали хрустальные слезинки.

– Да, да, – пробормотала Лилия Гиацинтова, – слухами земля полнится! Дурными слухами о Наинке! Говорят, будто с ней работать невозможно! Она...

Лилия Гиацинтова сделала многозначительную паузу. Она даже обнажила глаза, представив Валюшке возможность лицезреть набрякшие мешки под глазами и глубокие, как овраги, носогубные складки.

– ... она не чиста на руку! – завершила свою Лилия Гиацинтова.

«А у меня-то цвет лица куда как лучше!» – подумала Валюшка, а вслух произнесла:

– Как быть? Что делать?

И скорбно вздохнула.

– Надо стерву припугнуть. Но как? Может быть посоветоваться с Ангелиной?

– Ангелиночка – такая милочка, такая лапушка... – начала Валюшка, но вынуждена была замолчать, увидев предостерегающие жесты Лилии Гиацинтовой.

– Тише! Я кажется слышала их голоса! По-моему, Наинка Ангелину Адамовну ведет в свой кабинет!

– Наина Генриховна вынашивает планы! Откровения Ангелины Адамовны она на диктофон записывает! – прошептала Валюшка в самое ухо Лилии Гиацинтовой. – И не только Ангелины!

Между тем, в кабинете напротив заклятые подруги уже начали поверять друг другу сокровенные секреты. Отправив Лилию Гиацинтовну восвояси, Валюшка приникла розовым ушком к двери по другую сторону коридора.

Глава 4

Катерина, дочь Ангелины Адамовны, обладала породистым личиком и крупной, представительной фигурой. Катерина оставалась девушкой трезво и здравомыслящей во многих житейских ситуациях. Вот только в любви Катерине не везло совершенно. В тот день Катерина колесила по городу на своем округленьком, как она сама, «Ситроенчике». Несмотря на пасмурный октябрьский день, глаза Катерины прикрывали черные солнцезащитные очки. Катерина переживала очередную личную драму. Отогнать прочь воспоминания о пережитых недавно унижениях никак не удавалась. Горькие думы вновь и вновь выгоняли из глаз солёные потоки. А тут ещё мама пристала со своими проблемами. На Катиных плечах пять аптек с их персоналом, да ещё их владелец, да ещё Артур.

Об Артуре мама говорила так:

– Я тебе говорила: нормальные мужики не носят розовые брюки! Гони его в шею, это не мужчина!

Но как прогнать, если скоро перевалит на пятый десяток? Ни мужа, ни детей нету даже в проекте. Отсутствие сексуального опыта у давно уже достигшего половой зрелости Артура Катерина объясняла себе его разборчивостью. Ну вот, из глаз опять потоками потекли слёзы. Нет, лучше уж о Наине Убываловой думать.

«Может быть так будет лучше – вдруг подумалось Катерине – Не поедем на выходные в «Розовый поселок». Может быть, за это время Артур сообразит, что должен убраться...».

Вояж за город планировался завтра, в субботу. Заклятые подружки из Солидного учреждения в этот раз собирались на даче Лилии Гиацинтовой. Там будут и эта выжига – Валюшка, и мама с папой, и сама Наина со своим Василием. Конечно, присутствие Катерины было там, как говорится, ни к селу, ни к городу. Но мама так настаивала... Катерина приняла компромиссное решение: приехать попозже, к шапочному разбору, когда компания станет уже готовиться отойти ко сну.

Тем временем Наина Генриховна, в своём уставленном цветочными горшками кабинете, готовилась к встрече с проходимцем Жижиным.

Вот живет человек на свете и неплохо живет, несмотря на странную фамилию. А имя у него такое, что к фамилии Жижин его лучше вовсе не приставлять – ещё хуже получится. Между тем, проходимец Жижин успешно способствовал деловому народонаселению в получении разного сорта распорядительно-разрешительных документов, исторгаемых различными органами исполнительной власти при различных обстоятельствах. Персоналом Жижин себя не обременял. Видеть, подобно Огурцевичу, как подчинённые весело распивают чай и кофеи, а временами и более крепкие напитки, Жижин не хотел. Поэтому весь его штат состоял из двух курьеров и двух секретарей. Самыми же лучшими своими помощниками Жижин совершенно справедливо считал природную смекалку и благоприобретенную бесцеремонность. При этом Жижин совершенно искренне считал: между правдой и неправдой разница столь незначительная, что ею можно пренебречь. Примерно, как между говном и шоколадом. Помимо прочих, истинных и вымышленных, проблем со здоровьем Жижин практически не различал запахов и это обстоятельство значительно упрощало его жизнь. Жижин, как и многие прочие жаждал скорейшего получения документа на голубом бланке с синей печатью в углу и начальственным росчерком посередине. Пару месяцев назад он перечислил на счет Солидного учреждения кругленькую сумму и с нетерпением ждал положительного решения своего важного вопроса. Однако положительного решения всё как-то не случилось.

В тот день Жижин явился к Наине Генриховне, в надежде, что хлопоты его наконец подошли к концу. Однако, вместо вожеленного голубого бланка с начальственным росчер-

ком посредине и синей печатью в углу, Жижин получил от Наины Генриховны из рук в руки машинописный текст объёмом в три листа формата А4. В конце текста стояла подпись Наины Генриховны Убываловой – начальника отдела. Документ содержал полный и окончательный отказ в выдаче документа на голубом бланке с синей печатью в углу.

– И это всё? – поинтересовался Жижин.

– А что ещё вы надеялись получить? – Наина Генриховна насупила брови.

– Я заплатил деньги совсем не за это!

– Какие деньги? – бровки Наины взметнулись вверх.

Жижин, кашлянув, назвал сумму.

– Деньги вы заплатили за экспертизу. Результат экспертизы отрицательный, – сказала Наина Генриховны.

Интонации её были сухи, как прошлогодняя листва. Зеленоватые глаза пристально смотрели на смущенного посетителя поверх очков. Каким жалким виделся ей проходимец! Этот его череп, покрытый жидкой растительностью. Это рыхловатое тело, прикрытое, впрочем, довольно дорогой сорочкой, эти его по-женски целомудренно сомкнутые колени – весь его вид вдруг возбудил в Наине Генриховне чувство, родственное вождению.

«А мужичок-то ничего себе – подумала она – Может быть его можно ещё использовать по прямому назначению?»

– На устранение недостатков вам понадобится не менее двух месяцев. Если возникнут трудности – приходите, мы вам поможем, – задумчиво произнесла Наина Генриховна.

– Через месяц у меня назначен сеанс химиотерапии, – скорбно ответил Жижин.

– Надеюсь, что вы выживете, господин... – тут Наина Генриховна произнесла совершенно не произносимое имя Жижина.

– Я-то выживу, – отвечивал Жижин.

При этом лицо его приобрело такое странное, совершенно неопишное словами, выражение. Нечто хищное и злое появилось в выражении этого вполне симпатичного, в общем, лица.

– У нас тут работают прекрасные специалисты. Экспертизу проводила моя Валюшка, а она так хорошо разбирается в этих вопросах, как никто другой. Я сама очень вам сочувствую, но раз Валюшка так решила, то и я по-другому не могу. Она – крупный специалист, – щебетала Наина.

– Сейчас я очень тороплюсь. Сначала мне надо в Государственную думу, а потом ещё на Лубянку, в центральный офис ФСБ успеть, но на днях я снова навещу вас.

– Зачем же на днях? – бровки Наины вновь подскочили вверх, и она добавила металла в голос. – Я же сказала: на устранение недостатков вы потратите не менее двух месяцев. Но это в том случае, если вы вообще способны их устранить.

– Не знаю, сколько я протяну на этом свете. Конечно, моим семерым малышам хотелось бы, чтобы их папа пожил подольше, – опечалился Жижин. – Но ваша, мадам, судьба мне ясна, как летний день. Судя по внешнему виду, проблем со здоровьем у вас нет...

– Я не имею привычки обращать внимания на недомогания, – и без того прямые плечи Наины стали при этих словах ещё шире

– Поэтому надеяться, что вы сохнете на днях от рака или туберкулёза, не приходится, – невозмутимо продолжал Жижин. – Но, может быть, вас пристукнет кто-нибудь или прирежет, или придушит – это уж как придётся. Но скорее всего, вас кто-нибудь банально утопит.

От возмущения Наина Генриховна лишилась дара речи, зеленоватые глаза её вытаращились, пальцы выбивали барабанную дробь по ламинированной столешнице. Тут же в проеме двери возникла мужественная фигура Буланчика, облаченная, как обычно в таких случаях, в шикарную твидовую пару, которую он носил поверх брендовой футболки.

Взволнованный Жижин пересек кабинет Наины Генриховны, пребольно ударив Буланчика крепким плечом. Дверь оглушительно хлопнула. Пальма и лимонное дерево затрепетали, как от ураганного ветра.

На этот раз Наина не смогла удержать слёзы. Буланчик обнял её. Горячие и соленые капли оросили шершавую ткань его пиджака.

– Я так одинока! – шептала она. – Все эти пройдохи и завистники ополчились против меня! Так и норовят занять моё место!

Буланчик сначала просто поглаживал её по широкой спине, потом помог снять кардиган и юбку.

– Я совершенно одна! – бормотала расстроенная Наина. – Вся эта шваль только вертится вокруг, норовя использовать....

Буланчик помог снять ей нижнее бельё и колготки, затем мгновенно разделся сам.

– Балдошку позвать? – осторожно спросил он.

– Мне надоела эта мерзавка! Вчера осмелилась примерять моё французское платье без спроса! – встрепенулась Наина. – Впрочем... если она обернется таким же добрым молодцем как ты....

Буланчик громко втянул ноздрями, пропахший пыльной канцелярщиной воздух Солидного учреждения и послал зов.

Не прошло и получаса, как она явилась. Конечно, Балдошке не составило никакого труда обернуться молодым крепким парнем.... Впрочем, именно в тот день неукротимый дух противоречия, побудил чертовку принять облик деревенского увальня с колоссальных размеров половым органом, тупого и совершенно неискушенного в любовных играх, этакого былинного персонажа.

Капризная хозяйка осталась довольна своими помощниками. В тот вечер Василий Александрович не услышал обычных упреков в излишнем пристрастии к крепленому пиву.

Глава 5

– Вадик! – сказала Валюшка проникновенно. – Ты очень нужен нам с Лилией! Речь идет о нашей карьере, речь идёт о деньгах, сынок!

В интонации мамы Вадимчик услышал с трудом сдерживаемое рыдание.

Преданный сын и друг недолго собирался, и не тратил время на утирание слёз на лицах любимых женщин. Он, парень резкий, решил сразу взять быка за рога. Прыгнув в «Форд Мондео», купленный ему в прошлом году Лилией Гиацинтовой, Вадимчик понесся в дачное поселение со странным названием «Розовый поселок».

Несмотря на позднюю уже осень и будний день, Вадимчик надеялся застать там компанию собутыльников во главе с дедом Серкевичем.

Дед Серкевич председательствовал в правлении садоводческого товарищества «Розовый поселок». Впрочем, ни роз, ни прочих садовых культур в садоводческом товариществе не наблюдалось. Небольшой поселок, в сотню домиков, примостился на краю леска, неподалёку от недалекого столичного пригорода. С противоположной стороны поселение обрамляла шоссе-сая дорога.

В одной из жарко натопленных «летних кухонь» привольно расположилась за рюмкой чая тёплая компания давнишних собутыльников. Кроме деда Серкевича здесь присутствовали Болт, Жиянбой, Охахон и Турдым. В скудном освещении маломощной лампочки лица этих добрых молодцев казались одинаково чумазыми. Охахон был чуть более круглолиц, чем остальные. В его широко открытом рту сияли белоснежные, крупные зубы. Болта отличала от товарищей златозубая улыбка. В широком рту Турдыма не наблюдалось ничего, кроме розового языка, как бы широко он его не открывал, без умолку хохоча. Бритый наголо Жиянбой помалкивал, застенчиво улыбаясь. Экипировка собутыльников состояла из латанных телогреек, валенок, вязанных шапочек разнообразных цветов, фасонов и степени изношенности.

Дед Серкевич, стараясь перекричать хохот, вещал что-то о тракторной тяге и необходимости регулярно подливать масло в картер. Стол радовал изобилием закуски и выпивки. Консервированную говядину, бычки в томатном соусе и шпроты в масле заботливая хозяйская рука разложила по тарелкам. Буханку дарницкого хлеба, нарезанную аккуратными ломтями, выложили на почти чистой салфеточке. В плетёной корзиночке ещё оставались пряники. По чашечкам была разлита какая-то непрозрачная жидкость.

Эту картину увидел Вадимчик, ввалившись в помещение. На улице стемнело, и свет в комнате показался ему ярким до невыносимости. Толком разглядеть присутствующих не удалось.

– Серкевич! Где ты, старый козёл? – рявкнул Вадимчик в пахнущее горячими кирпичами пространство.

Болт, Жиянбой, Охахон и Турдым сразу перестали смеяться. Серкевич тоже замолчал, гордо вскинув седую плешивую голову.

– Зачем ты лаешься, Вадимчик? Приперся ночью, никто тебя и не ждал. Чего орать-то?

Дед ещё не освоился до конца с новой вставной челюстью, поэтому говорил медленно, звуки, исторгаемые его ртом, казались ему самому какими-то чужими – Ребята листву сгребли, дров напилили, в баню снесли. Так что Лилечка может в любой момент приехать попариться.

– Ну ладно, живите тогда, – снисходительно изрёк Вадимчик. – Я по другому делу приехал. Где трактор?..

– Да вот эта мутота зубастая поломала его вчера. Сегодня весь день чинили – не починили, а завтра пятница – надо траншеей прокопать. А чем копать? Чем копать будем, зубастые? – кипятился дед.

Ему вторил, шепелявым свистом, почерневший от копоти чайник.

- Лопата копать может.
- Лопата тоже быстро копать и глубоко.
- Канава быстро будет, – затараторили наперебой дачные трудяги.
- Так, то – канава! А нам надо траншею! Ты понимаешь разницу между канавой и траншеей? Э? Думаешь, раз зубы золотые вставил – так сразу самый умный стал, да?
- Дед Серкевич был явно расстроен поломкой трактора.
- Вот доверь этим мартышкам технику – мигом без техники останешься.
- Вадимчик, прихлёбывая чай из щербатого бокальчика, рассматривал дачных завсегдаев и, наконец, изрек:
- Значит, ломать они хорошо умеют, а чинить не умеют?
- Жопоголовые, – коротко ответил дед Серкевич.
- Тогда я их нанимаю. Надо сломать одну штуку.
- Одну штуку сарая? – златозубая улыбка Болта сияла в свете подслеповатой лампочки.
- Не, не сарая, – ответил Вадимчик, пережёвывая пряник. – Эта штука похожа на трактор, автомобиль называется. Сарай будем потом ломать...
- Уважаемый Вадим! Ваш автомобиль ещё новый, хороший, его не надо пока ломать. Пусть ещё будет. Детки ваши будут ездить. Лилия, цветок, будет ездить, – затараторили дачные умельцы наперебой.
- Ты прав, дед! Жопоголовые они, – констатировал Вадимчик. – Чини трактор, дед. На днях будет ответственное дело: ломать – не строить, всё должно быть шито-крыто.
- Что делать будем, хозяин? – Болт ещё раз продемонстрировал присутствующим свою сияющую улыбку.
- Работать, братан. Денег поднимете немало, – пообещал Вадимчик. – Тачку будем трактором давить. Тачка старая, ржавая. Спрессовать её надо, как следует, а потом в металлолом сдать.
- Лучше в пруд её отгрузить, – голос из угла комнаты прозвучал так неожиданно, что весёлая компания сразу притихла. – Станешь трактором её давить – трактор покорёжишь. В пруд лучше будет. Тут склон крутой, она так жажнется – не восстановить будет. А потом уж можно и в металлолом.
- А это ещё кто? – удивился Вадимчик, пытаясь разглядеть говорившего в затенённом углу.
- А черт его знает, кто, – ответил дед Серкевич.
- Апофеозов я. Живу я тут неподалёку, – ответила тёмная фигура из угла.
- Как, как? – переспросил Вадимчик, ухмыляясь. – Апофигелов?
- Я – Апофеозов, а ты, видимо, придурок, если собираешься автомобиль трактором плющить.
- Ты, Апофеозов, не хама, – вмешался дед Серкевич.
- А Вадимчик в это время уже поднялся во весь свой двухметровый рост и напустил уже на себя гневный вид
- Это хозяин. Сейчас вышвырнет тебя – будешь перед бездомными котами выпендриваться, – закончил свою речь дед Серкевич.
- Это не хозяин, а хозяйский трахарь. Вот ты, дед, уже на это не годен, а он вот живёт этим и неплохо живет. Я заметил, какая у него тачка длинная. Член, наверное, тоже длинный – из тёмного угла донесли скабрезненькое, тоненькое хихиканье.
- Вадимчик побагровел, нижней челюстью задвигал. Болта, Жиянбоя, Охахона и Турдыма как ветром сдуло.
- Ну вот, мартышки улезли на деревья, теперь можно и поговорить.
- Фигура Апофеозова, до этого момента оставшаяся в тени, выступила на всеобщее обозрение. Фигура эта представляла собой коренастое сооружение, состоящее в основном из

мощного торса. Были ещё короткие ноги и толстая шея, а над всем этим – продолговатая голова. Голову покрывал вздыбившийся сизый пух. Нос Апофеозова напоминал собою колбу, доньшко которой смиренно покоилось на верхней губе. Тонкогубый рот почти не размыкался, когда Апофеозов говорил, поэтому звуки речи его напоминали заунывное гудение. Когда Апофеозов поднялся и сделал шаг в круг света, отбрасываемый подслеповатой лампочкой, деду Серкевичу показалось, что в тени, за спиной странного человека, шевельнулась какая-то змеистая тень.

– Ты не пузырься, Вадимчик. Траханье – вполне достойный заработок. Ничуть не хуже, чем любой другой. Тут и умение нужно иметь, и такт, и сноровку. Это не каждый может делать. Вон дед – уж давно дедом стал, но и по молодости этим искусством не владел, а сейчас и подавно. Куда ему? Другое дело – ты, Вадимчик, – Апофеозов опять гаденько шепеляво захихикал.

Дед Серкевич покраснел до корней волос.

– Черт знает кто и несет чушь, – пробормотал дед и подался к выходу следом за товарищами – дачными завсегдатаями. Вадимчик и Апофеозов остались в комнате один на один.

Гнев Вадимчика каким-то странным образом бесследно улетучился. Вообще-то Вадимчик только вид имел брутальный, а по характеру своему существом брутальным не был, остывал быстро. Схватки до победного конца не являлись его жизненным кредо. Натура Вадимчика совершенно не соответствовала его огромному росту и мощному сложению. Он был слишком ленив, чтобы подвергать свое тело регулярным физическим нагрузкам, и слишком хорошо лицом, чтобы сомневаться в своей физической привлекательности.

– Тут паренек один, молоденький такой, по-пьяни, – продолжал между тем Апофеозов, – упал с крутого бережка на своем джипе прямо в пруд. Хорошо —выскочить успел. А то, наши работяги джип вытащили – глядь, а перед-то весь всмятку. Починить невозможно.

Апофеозов вдруг замолчал. Глаза его, так же как рот, имели вид щелок, настолько узких, что зрачков и даже самих глазных яблок не было видно. По спине Вадимчика, вдоль позвоночного столба пробежал холодок незнакомого доселе беспокойства. Из узких щелок-глаз Апофеозова на него глянула непроглядная, чарующе-ужасная тьма.

– Если русскую ржавую тачку так скинуть, она, наверное, в жестяной блин обратится, – добавил Апофеозов, помолчав.

Вадимчик, внезапно почувствовав слабость в ногах. К счастью тут же оказался старенький расшатанный стул, иначе наш герой-любовник с позором рухнул бы на немывтый пол.

– Трактор портить не надо. Ты гони свою тачку сюда и деньги вези, парень. Мы тут это дело устроим, – с этими словами Апофеозов опять отступил в тень.

Там он уселся на какой-то сундук – не сундук. Установилось долгое молчание, в течение которого Вадимчик одним махом опорожнил недопитую Болтом чашку. В чашке оказался на удивление вкусный самогон.

– Ну, я, пожалуй, поеду, – пробормотал Вадимчик и направился к выходу.

– А кто в тачке будет, мужик или баба? Или их будет двое? – из своего угла спросил у спины Вадимчика Апофеозов.

– Пустая она будет, – рывкнул Вадимчик, не оборачиваясь, и кубарем выкатился из помещения.

Посидев один в тишине и пустоте, Апофеозов повздыхал, покашлял, тихо встал и направился к выходу. На пороге он привычным движением извлёк из-за спины хвост, походивший по виду, поросший волосом, оживший садовый шланг. Заканчивался хвост волосистой кисточкой. Апофеозов бережно намотал хвост на левую руку и вышел под неяркие осенние звёзды. «Розовый посёлок» безмолвствовал. Апофеозов постоял, повздыхал, покашлял, да и потопал восвояси. Вскоре звук его шагов канул в промозглой сырости осенней ночи.

Глава 6

В течение нескольких дней, найдя правильные пути и нажав на нужные рычаги, посетив при этом несметное количество различных начальственных кабинетов, оснащенных, все как один, золочеными табличками с именами и званиями их владельцев, раздавая везде, где требуется пачечки денежных знаков крупного номинала, запакованные в беленькие, безликие конвертики, Огурцевич добился своего. Комиссионная проверка деятельности «Научно-технического продукта» была назначена. Однако участие в ней Наины Генриховны Убываловой оказалось при этом неизбежным.

Высокая комиссия прибыла в «Научно-технический продукт» ровно в десять часов утра. Минута в минуту, как раз в разгар утреннего кофе– и чаепития персонала.

Бизнесмен Огурцевич лично встречал комиссию в вестибюле «Научно-технического продукта», не решившись доверить это ответственное дело никому из своих подчинённых. Кроме самой Наины Генриховны, в «Научно-технический продукт» явились ещё три человека. Валюшку Огурцевич видел и раньше в Солидном учреждении. Прочих он видел впервые. Наина Генриховна отрекомендовала их как технических экспертов. Эти двое сразу показались Огурцевичу странными. Совсем юная дамочка имела повадку строгую, наводящую на размышления о монастыре с самым суровым уставом. Достоинства её фигуры надёжно скрывал лиловый балахон. Волосы её, того невзрачного пепельного оттенка, который так часто встречается у наших соплеменников, были давненько не мыты, но украшены сзади пышным шелковым бантом. Эта деталь туалета дамочки могла бы претендовать на некоторую игривость, если бы была вовремя выстирана и выглажена. Дамочка плотно сжимала губы и не отрывала глаз от потёртых носков своих сильно поношенных туфель. Лицо её хранило печать неприступной отстранённости. Зато молодой человек выглядел довольно развязным. Не велик ростом, но крепок телом, он производил вполне благоприятное впечатление. Волосы его имели очень приятный каштановый оттенок. Тонкие черты лица казались немного женственными. Некоторые остроты имеют обычай называть таких молодых людей «смазливими красавчиками». Молодой человек был одет в спортивного кроя твидовый костюм и в отличнейшего качества коричневые ботинки. Упругой походкой он следовал за своей суровой патронессой и двумя её спутницами, неся в каждой руке по увесистому портфелю.

Всё общество чинно разместилось в вызолоченном кабинете Олеся Огурцевича и занялось исполнением своих прямых обязанностей, а именно тщательной проверкой документов. Валюшка разместилась в углу за клавиатурой компьютера и принялась ритмично выстукивать по клавишам бледными пальчиками. Технические эксперты тихо примостились на диванчике, обитом светлой кожей, и пока помалкивали. Наина же Генриховна в сопровождении самого бизнесмена отправилась на экскурсию по помещениям «Научно-технического продукта».

Особую гордость Огурцевича составляла лаборатория мегалографии, оснащенная самыми современными мегалографами и прочим вспомогательным оборудованием. Все это научно – техническое добро было установлено со знанием дела, в светлой комнате. Тут же помещались стеллажи с пухлыми папками, в которых хранились и сами мегалограммы, и отчеты об успешных результатах их применения в различных отраслях науки и техники. Мониторы голубовато светились, принтер распечатывал какую-то бесконечную диаграмму, устройства для подачи проб в приборы жили своей самостоятельной жизнью, с заданной периодичностью подавая в нутро мегалографов разноцветные растворы чего-то таинственного. При этом помещение лаборатории мегалографии царило безлюдье.

– А где же работники? Где персонал? – строго спросила Наина Генриховна.

– Специалисты, наверное, ушли обедать, – смущенно ответил Огурцевич.

– Странно! – Наина Генриховна поджала губы. – Разве они не были предупреждены о нашем приходе?

– Конечно, я их предупредил! Но отсутствие людей – это штатная, вполне обычная ситуация! Оборудование может работать круглосуточно, и даже в отсутствие персонала, – гордо заявил Огурцевич. – Утром приходит инженер, заносит программу испытаний в компьютер. Дальнейшее происходит автоматически.

– А кто будет нести ответственность? – зеленоватые глаза Наины Генриховны агрессивно округлились.

– Вся информация сохраняется в памяти прибора и по окончании эксперимента... – начал Огурцевич.

– Это комиссию не интересует, – прервала бизнесмена начальственная дама. – Давайте продолжать работу.

С этими словами Наина Генриховна покинула помещение лаборатории мегалографии.

По выражению лица начальственной дамы сразу можно было понять, что и сами помещения, и обстановка, царящая в них, не удовлетворили её взыскательного взгляда. В следующем же помещении высокая комиссия обнаружила часть сотрудников «Научно-технического продукта», предававшихся чревоугодию самым бессовестным образом. Молоденькие и хорошенькие до неприличия дамочки уже пригубили по рюмочке коньку (початая бутылка стояла тут же, на столе) и теперь с явным удовольствием допивали источающий сногшибательный аромат кофе. Тут же неопределенного возраста мужчина в запотевших очках обеими руками пытался пропихнуть в рот целиком огромных размеров бутерброд. Тут же некий рыжий индивид углубился в чтение романа. Книжку в яркой глянцевой обложке он держал на коленях. Огурцевич побагровел. Наина Генриховна широко расправила прямые плечи.

– Ну вот, и здесь нарушается порядок проведения работ, – металл в голосе Наины Генриховны звенел набатным колоколом. – При входе в помещение нет надписи о том, что оно предназначено для приёма пищи. Кроме того, персонал учреждения в рабочее время распивает алкогольные напитки и читает постороннюю литературу.

При этих словах упитанный молодец в очках и брюках цвета приглушенный электрик поперхнулся уже полностью просунутым в рот бутербродом и громогласно закашлялся. При этом измятый и изрядно обслюнявленный бутерброд выпал у него изо рта и плюхнулся на пол, под ноги Наины Генриховны.

– Ай, яй, яй! – заверещал бутерброд нечеловеческим голосом. – Спаси меня добрая старушка! Этот пьяный обормот хочет мною закусить!

– Фантастика! – ахнул рыжеволосый молодец и выронил роман из рук.

Бутерброд выпустил тоненькие ножки, подобные ножкам сороконожки и, быстро перебирая ими, засеменил к стене комнаты. Пьяненькие дамочки, обступив господина Огурцевича, что-то мило щебетали о преимуществах новой кофе-машины. Багровый Огурцевич беззвучно шлепал губами.

Наина, скорым шагом покинув помещение, отправилась к месту заседания прочих членов высокой комиссии. За спиной она слышала стук подошв и тяжелое дыхание главы «Научно-технического продукта». В груди начальственной дамы бурными потоками kloкотал праведный гнев.

В коридоре им повстречался почтенный старец в хорошем костюме. Старец нёс под мышкой толстую папку, полную бумаг. Увидев старейшего работника «Научно-технического продукта», бизнесмен Огурцевич и приободрился, и даже немного успокоился. К нему вернулся дар речи.

– Это наш старейший работник, товарищ Орловский. Он занимает должность главного конструктора. Товарищ Орловский отвечает у нас за всю документацию, – произнёс Огурце-

вич, гордо выпячивая обтянутую коттоном грудь. – Уверяю, на этом участке у нас всё в полном порядке!

– А вот с документацией у нас всё в порядке, – пролепетал Орловский. – Сединами своими ручаюсь!

Голубые и на удивление ясные глаза старика Орловского излучали дружелюбие и неподдельный мужской интерес к высокой гостье. Наина Генриховна изготовилась к атаке.

– Ведите! – скомандовала она.

И старик Орловский повёл её в свой кабинет, где в высоких, подпиравших потолок шкафах хранилась та самая документация, за которую он отвечал своею седой головой.

– Вот это наша документация и отчетность, – старик сделал широкий жест рукой в сторону пронумерованных и аккуратно надписанных корешков. – Хотите взглянуть?

– Разумеется! – Наина Генриховна потирала руки. Её изящные ноздри воинственно раздувались. Рядом Огурцевич пыхтел, как поспевающий самовар.

Старик Орловский достал одну из папок, положил на стол, раскрыл. На тыльной стороне обложки помещалась добросовестно составленная опись дела. Папка заполняла листы машинописного текста, вперемешку с чертежами. Энергично перелистав содержимое папки, Наина Генриховна наугад вытащила пачку документов, и, разложив их на столе, принялась изучать. При этом она и покачивала сокрушенно головой, и хмыкала иногда, и постукивала каблучком по полу. Наконец вердикт был вынесен:

– Всё это никуда не годится! Нужны официально изданные экземпляры, а это какие-то ксерокопии! Где вы могли их взять?

– Они украли или каким-то другим незаконным путём добыли эти документы! – вставила прилизанная девица, внезапно материализовавшаяся за плечом своей патронессы.

Наина Генриховна метнула огненный взор в сторону Олеса Огурцевича, который засопел ещё пронзительней и снова начал багроветь. Начальственная дама продолжала:

– Я советую вам навести тут порядок. В таком состоянии дела оставлять нельзя! Любая проверка, я подчеркиваю, любая! Накажет вас незамедлительно. Надо обратиться за консультацией к квалифицированным специалистам!

Теперь дара речи лишился старик Орловский.

– Да кто же вы есть, чтобы говорить мне подобные вещи? Это я-то добыл незаконным путём? – только и смог вымолвить он. – Кто вы, милочка, и откуда к нам явились?

Бровки Наины Генриховны взлетели вверх:

– Кто я – известно каждому. Спросите об этом у вашего генерального директора. А вот кто вы – это вопрос. И чем вы тут занимаетесь – тоже вопрос. Одно не вызывает сомнений: вы совершенно безграмотны!

– Ну а вы просто дура какая-то! Я-то думал... – старик Орловский поперхнулся словами. Он только рукой махнул, да и пошел куда-то прочь, за дверь.

Глава 7

В тот день сотрудники «Научно-технического продукта» могли видеть своего совершенно взмокшего шефа бегущим по коридорам следом за очень воинственной дамой. На таком суровом обычно лице Огурцевича блуждала смущенная улыбка. А дама, между тем, словно боевой клич повторяла и повторяла странную фразу, звучавшую так:

– Мы напишем все замечания в акт! В акт и только в акт и ничего за актом!

Эти таинственные слова, очевидно, очень огорчали главу «Научно – технического продукта». Он бормотал в ответ какие-то невнятные оправдания и даже как-то униженно всё втягивал голову в плечи.

Старик Орловский нашел убежище в туалете. Но и из этого надёжного укрытия ему хорошо были слышны угрозы Наины Генриховны. Грустя в запертой изнутри кабинке, он размышлял о разного рода актах, которые ему пришлось совершить и составить за долгую жизнь.

– Этот акт будет последним, – вслух сказал старик, обращаясь к вычищенной до блеска раковине.

Он по привычке сполоснул руки и отправился в свой опустевший кабинет.

– Ну как, Валюшка, готов акт? – спросила начальственная дама, ступив в вызолоченный кабинет Огурцевича.

– Не так быстро, Наина Генриховна! – заныла Валюшка. – Тут сначала надо разобраться.

– Всё уже понятно, – ответствовала Наина. – Здесь пьянь одна работает. Мы не можем взять на себя ответственность и выдать алкашам документ на голубом бланке с синей печатью в углу. Так и пиши: решение вопроса отложить до устранения отмеченных недостатков и особых распоряжений высшего руководства.

Развязный молодой человек в твидовом костюме тихо засмеялся.

– Не смешно! – проворчала взмокшая Валюшка.

Она уже второй час вела непримиримую борьбу с софтом. Технические эксперты, оба, рядком сидели на диванчике. Дамочка пребывала в полном оцепенении. Плотнo сомкнув колени и сложив на них бледные руки, она посматривала то на возбуждённую Наину Генриховну, то на багрового Огурцевича, то на потную и злую Валюшку. Её коллега заложил ногу на ногу так, что острая коленка смотрела прямо в украшенный богатой лепниной потолок. Он уже скинул с себя пиджак и остался в салатового цвета футболке, украшенной шокирующей надписью. Именно на эту надпись уставился и без того совершенно ошеломлённый Огурцевич, который только что ворвался в свой вызолоченный кабинет. На майке технического эксперта огненными буквами было написано: «Принимаю наличность без ограничений».

– Почему вы всё время давите на меня? – ныла между тем Валюшка. – Лучше бы компьютер нормальный купили!

Она в исступлении тюкала по клавишам пальчиком и, сопя, тарачилась в голубой монитор. Наина Генриховна подошла к ней сзади и тоже стала вглядываться в текст на экране.

– Вы спросили бы у этих ваших... Помощников... – язвительно заметила Валюшка. – Как тут писать? Ну как? Расселись как на именинах!..

– Почему же на именинах? – спросил развязный субъект. – Мы можем помочь! Не так ли, дорогая?

С этими словами он обнял дамочку за плечи. Дамочка в ответ так энергично начала кивать головой, что бант начал сползать с её прически, а из гладкого пробора вывалилась слипшаяся прядь.

– Ну так помогайте! – рявкнула Наина Генриховна и технические эксперты дружно запели:

– Солнышко светит ясное, здравствуй страна прекрасная! Юные нахимовцы тебе шлют привет! В мире нет другой, Родины такой!..

Пение технических экспертов было таким стройным и благозвучным, словно они специально репетировали выступление на концерте. Лица их выражали озорную безмятежность.

Бизнесмену Огурцевичу вдруг мучительно захотелось выпить, причем не вискаря, как обычно, а корвалолу. Ему вдруг вспомнилась теща, на старости лет вдруг ставшая набожной богомолкой. «А может быть есть всё же какой-то смысл во всех этих поездках по святым местам, в этих купаниях и курениях?» – думал Огурцевич, со страхом поглядывая на технических экспертов, дружно исполняющих «Марш Нахимовцев» и Наину Генриховну, с видимым удовольствием им внимающую.

– Ну хватит же, ну хватит! – закричала со слезами в голосе Валюшка со стуком закрывая ноутбук.

– Не орите, милочка! – надменно промолвила девица с бантом. – Мы основную работу сделали. За вами акт!

– Валюшка, где же акт? – загадочно улыбаясь, спросила Наина Генриховна.

Валюшка, исторгнув из груди вздох мученицы, открыла ноутбук и вновь загрузила программу.

После громких препирательств и небольшой потасовки, произошедшей между Валюшкой и девицей с бантом, акт распечатали и торжественно вручили Наине Генриховне. Начальственная дама, водрузив на нос очки, внимательно изучила текст. Потом она передала текст Огурцевичу. Тому очки для чтения не потребовались. Да и читал он не внимательно, ему и без того было ясно, что получение вожеленного документа на голубом бланке откладывается на неопределённое время. И всё же он задержал свой взгляд на концовке документа. Именно там, перед подписями членов высокой комиссии перечислялись недостатки деятельности «Научно-технического продукта», отмеченные высокой комиссией. Сердце Огурцевича мучительно зануло. Там, на четвёртой странице четырнадцатым размером шрифта было написано следующее:

«ЗАМЕЧАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОМИССИИ:

Обеспечить актуализацию фонда нормативных, технических и нормативно-технических документов. Маркировать контрольные экземпляры литерой «К», а рабочие литерой «Р».

Обеспечить круглосуточное дежурство в мегаллографической лаборатории персонала предприятия, во избежание возможных возгораний и задымления помещений.

Осуществлять прием пищи только в строго отведённых местах. Приказом по предприятию ограничить употребление персоналом алкогольных напитков в рабочее время.

Провести обязательную аттестацию сотрудников на предмет установления их профессиональной пригодности с обязательным привлечением специалистов Солидного учреждения. По результатам аттестации персонала пересмотреть штатное расписание.

Провести инвентаризацию помещений «Научно – технического продукта» с частичной их перепланировкой, в соответствии с требованиями нормативных, технических и нормативно-технических документов.

Упорядочить хранение расходных материалов. Обеспечить их хранение в специальных сейфовых помещениях, оснащенных кодовыми замками и решетками на окнах, а также отдельным входом с металлической дверью. Ответственность за хранение расходных материалов возложить непосредственно на генерального директора.

Оснастить лабораторные помещения «Научно-технического продукта» табличками, запрещающими распитие алкогольных напитков, а также техническими средствами, предназначенными для уничтожения оживающих бутербродов.

Вопрос о выдаче документа на голубом бланке с синей печатью в углу и начальственным росчерком посередине будет решен после устранения указанных замечаний и повторной проверки деятельности предприятия комиссией Солидного учреждения».

Отвергнутые десницей Огурцевича, белые листки писчей бумаги разлетелись по столу. Рыжеволосый молодец, смущенно улыбаясь, собрал их и разложил на три стопки по четыре странички в каждой.

Внизу, в конце акта проверки деятельности «Научно-технического продукта» с целью выдачи ему документа на голубом бланке с синей печатью в углу, Наина Генриховна сначала заставила подписаться Валюшку, потом к документу приложились оба развесёлых технических эксперта. Но перед подписанием документа в тройце подчинённых Наине Генриховна сотрудников возникли серьёзные разногласия. Две спорящие группы не могли достичь единого мнения по поводу нормативных, технических и нормативно-технических документов. Валюшка и дамочка с бантом противостояли развязному молодому человеку. При этом Валюшка спорила вяло, зато между техническими экспертами возникли серьёзные трения. Поначалу они просто пихали друг друга локтями в бока, пытаясь оттеснить от стола, на котором был разложен текст акта. Потом они по очереди стали взывать к праведному суду Наины Генриховны.

– Надо раз и навсегда объяснить этому козлу: нормативно-технических документов не существует в природе, – гундела Валюшка.

– Нармативно-технический документ – это всё равно, что гибрид кошки и собаки, – вторила ей дамочка с бантом.

– Эти вопросы выходят за рамки компетенции нашей комиссии, – отчеканила Наина Генриховна. – Окончательное решение примет высшее руководство! Подписывайте, или у кого-то из вас есть особое мнение?

Особого мнения ни у кого из членов компетентной комиссии не оказалось. Валюшка, скорбно поджав губки, подписала документ. Следом за ней это сделали оба технических эксперта.

Начальственная дама поставила на документе свой автограф последней. В довершение всего она заверила документ собственной круглой именной печатью. Оттиск печати содержал её многочисленные регалии.

– Наиночка Генриховна! Так ведь за господина Огурцевича высшее руководство ходатайствовало! – в смятении прошептала Валюшка.

– Ты что же мне предлагаешь, Кроликова? – округлила в гневе свои зеленоватые глаза Наина Генриховна. – Ты мне предлагаешь профессиональной честью поступиться? Да у них тут бутерброды с колбасой по комнатам бегают и горячими слезами рыдают. Они жрут тут бутерброды живьем! – Наина Генриховна уже кричала.

Смущенная Валюшка отступила на заранее приготовленные позиции, в дамскую комнату. Наина же Генриховна обратила свой начальственный взор на главу «Научно-технического продукта». Олесь Огурцевич пребывал в оцепенении. Не прикрытые одеждой части тела бизнесмена багровели, лицо покрылось испариной.

– Если вы уже ознакомились с документом, подпишите там, внизу и поставьте печать.

Гневливая бордовость сменилась на лице Олесь Огурцевича мертвенной синюшной бледностью.

Огурцевича охватило умопомрачения. Впоследствии он вспоминал, как в голову его, будто через уши, вполз странный туман. Под черепом его, здравомыслящего в общем-то человека, забродили-зашевелились матовые клочья, застилая взор и омрачая разум. Безжалостно тиская в огромных ладонях плод трудов компетентной комиссии, бизнесмен Огурцевич заговорил. В начале своей речи он пообещал Наине Генриховне сломать её ноги, потом – руки. В завершении короткой, но прочувствованной речи, бизнесмен пообещал совершить с Наиной Генриховной половой акт в самой экзотической из всех возможных форм. Ответ на свою гнев-

ную тираду бизнесмен получил незамедлительно в четкой и однозначной форме: Олеся Огурцевичу никогда не продвинуть свой важный и срочный вопрос в направлении его быстрого и положительного решения. Для этого она, Наина Генриховна Убывалова, применит всю власть, отпущенную её Высшим руководством. Аминь.

– Не жить тебе, сука старая, – с глубоким чувством произнёс Олесь Огурцевич, обращаясь к плотно закрытой двери своего кабинета.

Высокая комиссия покидала «Научно-технический продукт» в ужасной спешке. Наина Генриховна вбивала в навощенный паркет металлические набойки каблуков. Следом за ней неслись, хохоча, Балдошка и Буланчик. Валюшка замыкала шествие, испуганно озираясь по сторонам. Наиглавнейший специалист всерьез опасалась, что из-под какой-нибудь двери под ноги ей бросится говорящий бутерброд.

Глава 8

Из записок Иннокентия Перископова, человека рыжего и неприкаянного, штатного сотрудника «Научно-технического продукта».

«Олег Прокопович продолжает оставаться в глубоком убеждении, что напрягаться вредно. Да он и не напрягается. Целыми днями только и слоняется о по коридорам Конторы да молоденьких барышень безуспешно кадрит. У него и личный стандарт привлекательности имеется: возраст не более 25 лет, рост не менее 175 сантиметров, размер одежды не более сорокового. Сам же Олег Прокопович рост имеет незначительный, вес – избыточный, возраст – неопределимый, но уже далеко за тридцать. Летом Олег носит коричневые сандалии поверх серых или черных носков, брюки цвета приглушенный электрик, рубашки же всегда жали ему в самых неожиданных местах. В холодное время года Олег Прокопович облачается в длинное, до пят, кожаное пальто, подаренное ему тестем и лохматую шапку, изготовленную из шкуры убитого тестем же енота. Этот смешной индивид давно и надёжно женат на какой-то непроходимой дуре.

Ах, да! Вчера к нам комиссия приходила. То-то Огурцевич по коридорам бегал сам не свой, весь красный, глаза вытаращены. Матюками по сторонам так и сыпал. Нет бы Олегу Прокоповичу вовремя убраться с дороги разгневанного шефа. Да не тут-то было! Вот и получил научный почти работник по балде залп отборной матерной брани с упоминанием его отца, матери, дедушек и бабушек, их половых органов, а также тех частей тел родственников, которых у человеческих существ обычно не бывает. Я всё слышал. Дверь в лабораторию была широко открыта. У меня мой томик отобрали. Недочитанный. Вот жалость-то. Придется новый купить. Аркашка Лисицын отобрал, наш с Прокоповичем начальник – тот ещё жук. Аркашка в утра сидел сиднем в лаборатории, трясся от страха. Олежку поджидал, чтоб дожать. Между делом доел все Олежкины бутерброды.

Теперь я вам Аркашку опишу. Вот он, на табурете сидит. Одет как обычно в пиджачную пару пошива фабрики «Большевичка», сорочку такого же невнятного кроя и невзрачной расцветки галстук. Напустил на себя загадочность, придурок!»

Глава 9

– Где ты шлялся? – вопросы Аркашка всегда ставил резко и конкретно.

– Завтракал, – коротко ответил Олег Прокопович.

– Ну, значит, нажрался и обедать уже не будешь. К часу мне нужна мегалограмма с полным отсчётом всех пиков и конечным протоколом в двух экземплярах. И это для всех вчерашних образцов. Я вечером должен всё это передать Огурцевичу для отправки в Лондон... – слова Аркашка произносил быстро, отрывисто и громко.

– К часу не успею, – пробормотал Олег. – К тому же, сегодня день рождения у старика Орловского. Я приглашен. Водку вон купил.

– Жрать и пить будешь потом. Мы должны сдать этот проект до пятнадцатого числа.

После этого заявления Аркашка пустился в долгие рассуждения о непрерывности и направлениях финансовых потоков. О необходимости хорошо работать, чтобы получать высокую заработную плату, а у него, у Награждённого, заработная плата очень высокая. Олег Прокопович помалкивал, памятуя о бессмысленности вступления в препирательства с Аркашкой. А сам думал о пустых бутылках, собранных на детских площадках и в мусорных контейнерах в окрестностях «Научно-технического продукта». Теперь добыча покоилась на дне огромного баула. Баул неизменно сопровождал Олега Прокоповича в его ежедневных перемещениях от места жительства к месту службы и обратно. Он, позвякивая свежедобытой стеклотарой, прижимался к мягкому боку Олега Прокоповича на всем пути следования от Бирюлева до Текстильщиков. Бутылки Олег Прокопович собирался сегодня сдать в пункт приема, а вырученные деньги отложить. Научный почти работник копил деньги на ресторан, в который когда-нибудь надеялся пригласить красивую девушку, не жену.

– Как я выгляжу, Награждённый? – неожиданно спросил Аркашка.

Олег Прокопович очнулся от грез. Вид придурковатого Аркашки с горящим взором вдруг показался ему совершенно невыносимым. Аркашка был лысоват, бледен, под глубоко сидящими глазами синели нездоровые полукружья.

– Как обычно, – промямлил Олег Прокопович, стараясь не смотреть в лицо своему начальнику.

– У тебя есть тональный крем? – неожиданно спросил Аркашка.

– Нету! Откуда же ему быть у меня? Я ж не баба, то есть женщина, – Олег Прокопович уже стал уставать от этого разговора.

– А у тебя, Перископов? – Аркашка обернулся к Иннокентию.

– Откуда? Я не педик... – ответил тот мрачно.

– Сходи к ... женщинам, Награждённый, – скомандовал Аркашка. – узнай, у кого из них есть. Огурцевич в любой момент может вызвать с мегалограммами. И помни, если они окажутся неудачными, нас всех попрут с работы. Особенно тебя, Перископов, потому что ты не только бездельник, но и хам редкостный!

Иннокентий мельком глянул в лицо начальника. Аркашкины глаза лихорадочно блестя, он явно что-то замышлял.

– Кстати, ты тоже выглядишь неважно, так что тональный крем найди, – добавил Аркашка, убегая.

Пребывая в скорбном настроении, Олег Прокопович, принялся за подготовку документов для доклада шефу. Все валилось у научного почти работника из рук. Смутные предчувствия терзали его.

Когда Олег Прокопович в паре с Иннокентием явились в чистый и светлый кабинет Орловского, празднование дня рождения близилось к концу. За разорённым столом с остат-

ками угощений восседал сам именинник. Но не тарелка с недоеденным куском торта стояла перед ним. На бумажной скатерти перед старейшим сотрудником лежали исписанные листки формата А4. На испещренных текстом листах гости узрели редкие влажные следы, словно кто-то над ними недавно всплакнул.

– Письмо Татьяны к Онегину?.. – буркнул Иннокентий.

– Огурцевич учинил мне полнейший разнос, – печально произнес Орловский. – И Аркадий ваш тоже... Эдакий грубиян!

И старик протянул Олегу Прокоповичу дрожащие листки. Научный почти работник и Иннокентий, голова к голове, склонились над листом писчей бумаги, содержавшей следующий текст:

«Справка

О состоянии дел по оформлению Документа на голубом бланке

с синей печатью в углу и начальственным росчерком посередине

Заявление о выдаче Документа на голубом бланке с синей печатью в углу было отвезено мною в Солидное учреждение первого июня сего года.

Ответ был доставлен по почте в канцелярию «Научно-технического продукта» через месяц, а именно первого июля сего года.

Начальник канцелярии передал мне ответ после разбора почты через неделю, а именно восьмого июля сего года. При этом начальник канцелярии Пашиовкина Т.С. обвинила меня в том, что на конверте, пришедшем из Солидного учреждения, не было указано, что он (конверт) адресован мне

С девятого по двадцатое июля сего года я был в очередном отпуске и отдыхал с внуками на даче.

По окончании отпуска, а именно двадцать первого июля сего года я приступил к изучению ответа, пришедшего из Солидного учреждения. При этом Аркадий Викторович Лисицын обвинил меня в том, что я работаю слишком медленно. С обвинениями в медлительности я не согласен, потому что приступил к изучению ответа на следующий день после его получения.

Через неделю после начала изучения ответа, а именно двадцать восьмого июля сего года, я пришел к заключению, что ответ, полученный из Солидного учреждения, скорее отрицательный, чем положительный.

Спустя неделю, а именно четвертого августа сего года, обдумав всё, я приступил к корректировке заявления.

После завершения мною работ, а именно 29 августа сего года в нашем регионе сильно испортились погодные условия. По-видимому, это было связано с преждевременным наступлением осени. Поскольку путешествовать на общественном транспорте мне мешает застарелая подагра, я обратился за содействием к А.В. Лисицыну и получил отказ.

После завершения консультаций с г-ном Лисицыным А.В., а именно 15 сентября сего года, нами было принято коллегиальное решение отправить заявление на получение Документа на голубом бланке с синей печатью в углу по почте.

Шестнадцатого сентября сего года я ушел в очередной отпуск и уехал в г. Кисловодск по льготной путевке для ветеранов умственного труда.

О дальнейшей судьбе заявления мне ничего не известно, потому что господин Лисицын А.В. не желает обсуждать со мной эту тему, называя меня при этом старым ленивцем с рогами до колен, что, согласитесь, странно!

В дополнение к вышеизложенным фактам могу добавить следующее: я в течение уже более семидесяти лет каждый день смотрю на себя в зеркало и рогов никогда на себе не видел ни на голове, ни на иных прочих частях тела.

Кроме того, напоминаю, что закончил престижный технический ВУЗ, потом ещё один престижный технический ВУЗ, затем аспирантуру. После всего этого моя служебная карьера

развивалась весьма успешно вплоть до шестнадцатого сентября сего года, когда Лисицын А.В. выдвинул в мой адрес обвинения в рогиношении».

В конце умопомрачительного документа красовалась угловатая роспись старика Орловского.

– Тут есть явные стилистические огрехи. Канцелярит... – рассеянно молвил Иннокентий.

Олег Прокопович решил всё же выпить принесённой им водки, что и проделал незамедлительно. Ещё при продвижении живительного напитка по пищеводу, Олег Прокопович сначала почувствовал истому. После попадания напитка в желудок истома превратилась в блаженную расслабленность, которая, впрочем, моментально трансформировалась в активность. Тогда Олег Прокопович с огромным удовольствием закусил водку сначала солёным огурчиком, потом кусочком копченого мяса с сыром, затем употребил небольшую плоскую салатку типа «Столичный», затем остатки вкуснейшего пирога с рыбой, затем кусок тушеного мяса под вкуснейшим сметанным соусом. Поверх всей этой снеди Олег Прокопович решил поместить в желудок кусочек торта «Чиполино», который не успели съесть до его прихода прожорливые коллеги. Тортик тоже уютно расположился во вместительном желудке Олега Прокоповича. Тогда Олег Прокопович решил допить остатки принесённой им водки, а пустую бутылку поместить в родимый баул, где уже покоились её товарки. Иннокентий же, заскучав, удалился.

Олег Прокопович наслаждался жизнью на всю катушку, когда в помещении внезапно возник Аркашка Лисицын. Аркашкины глаза пылали огнём неугасимым. Такой огонь пылает иногда в глазах гончей собаки, когда она заканчивает преследование затравленного зайца.

– Тебя Огурцевич вызывает, хватит жрать! – провозгласил Аркашка и выдернул стул из-под внушительного зада Олега Прокоповича.

Изрядно захмелевший Олег Прокопович применил всю ловкость, отпущенную ему Всевышним и не соприкоснулся с полом задней частью брюк цвета приглушенный электрик. Понуро побрёл Олег Прокопович по внезапно опустевшим, как перед бурей, коридорам к дверям вызолоченного кабинета хозяина и руководителя «Научно-технического продукта». Внезапно Олегу Прокоповичу захотелось запеть. Желание непреодолимой силы завладело им всецело. Олег Прокопович зычным голосом запел. Песня о туманах – растуманах и партизанах, уходящих в поход на врага, прокатилась по притихшим коридорам «Научно-технического продукта».

На другом конце столичного мегаполиса, весело раскачиваясь на ветвях лимонного дерева, кое произрастало в кабинете Наины Генриховны Убываловой, Олегу Прокоповичу дружно подпевали Балдошка и Буланчик:

– Повстречали – огнём угощали, навсегда уложили в лесу. За великие наши печали, за горячую нашу слезууу! Эээх!

Глава 10

Из записок Иннокентия Перископова, человека рыжего и неприкаянного, штатного сотрудника «Научно-технического продукта».

«Нет, пение в стиле а-капелла не для нас! Похоже, шеф не оценил певческого таланта Олега Прокоповича, несмотря на то, что считает Награждённого ценным работником. Вот мне-то в их глазах грош цена. Наверное, в скором времени Огурцевич выставит меня за дверь. А Олежка так и будет линии мегалограмм, рассчитывать их высоту и площадь и разбираться в прочих их характеристиках, непостижимых для моего ума.

Да нынче и с мегалограммами не порядок у нас. Огурцевич заявил, что их (мегалограмм) пики и впадины выглядят как-то нехарактерно. Короче, он вызвал нас троих к себе в кабинет. Аркашка трясся, как в лихорадке, а я уж и вещички собрал, чтобы в случае чего сразу отвалить. Но всё вышло по-другому.

От мата, конечно, уши подвяли, но в целом всё не так уж плохо оказалось. До и шеф после ухода комиссии немного подостыл. Конечно, и ладошкой по столу стучал, аж бриллиантовая запонка под стол отлетела, но цвет лица имел нормальный и вообще, не очень-то выпендривался. Но задание дал. Теперь надо его выполнять. Аркашка и Прокопыч, в случае благоприятного исхода дела, премиальные получают, а я просто продолжу приходить ежедневно в эти желтые стены? Ну почему же, почему в этом мире так много построено домов желтого цвета?»

– Две тысячи евро! – верещал Аркашка. – Мне выдали на текущие расходы кучу денег! А потом ещё премиальные светят! Ты слышал, почти работник?

– Премиальные по случаю окончания работы высокой комиссии?

Олег Прокопович обладал своеобразным талантом. Он при любых обстоятельствах шутил не удачно. В «Научно-техническом продукте» к этому давно привыкли, даже Огурцевич уже не реагировал на глупые выходки научного почти работника.

– У шефа неприятности и мы должны решить проблему, – проревел Аркашка.

– Нам навязали роль мздоимцев... – вздохнул Иннокентий.

– Мзодателей, – поправил его Олег Прокопович.

– Скажите ещё – кровавых мстителей, – фыркнул Аркашка. – Олесь Васильевич Огурцевич хочет получить конкретный результат! Проблема должна быть решена, акт переделан.

Он помазал в воздухе какими-то листочками, заполненными машинописным текстом.

Они втроем сидели в Аркашкиной комнатухе над пачкой цветных банкнот иностранной валюты.

– Давай уж деньги что ли делить... – предложил Олег Прокопович.

– Я знаю, что делать, – бормотал Аркашка, отсчитывая купюры. – У меня всё на мази... а ты, Перископов, будешь на подсосе. Таким как ты я денег не доверю...

– Да я бы и не взял! – возмутился Иннокентий.

– Я знаю! – не унимался Аркашка. – Ты всё заносишь в тетрадку. Зачем? Огурцевичу доносишь, а?

Но Иннокентий уже сделал два необходимых шага к двери, на выход.

– Вали! Вали отсюда, рыжий! – сказали ему в спину. – Отдыхай пока не поступят новые распоряжения!

Глава 11

Олег же Прокопович, ещё плохо соображая после выпитого и съеденного, машинально сунул в карман двадцать пять синеньких бумажек номиналом в двадцать евро каждая и отправился восвояси, а именно в Бирюлево к «женушке». Только так и никак иначе Олег называл свою супругу.

Через несколько минут он уже погрузил и своё тело и не разлучный с ним баул в троллейбус, а из троллейбуса в метро. На всём этом пути Олег, подрёмывая, лениво размышлял о том, стоит ли зайти именно сегодня в приёмный пункт стеклотары или отложить это дело до завтра. Выйдя из метро на станции «Царицыно» уже изрядно протрезвевшим, Олег Прокопович вспомнил о задании, полученном утром от жёнушки. В супермаркете, у кассы, с полной корзиной товара в руках, он опомнился. Рука, словно действуя помимо его воли, обнаружила в кармане кожаного макинтоша пачку банкнот, перетянутых резиночкой. Тут-то Олег вспомнил и о задании Огурцевича. И о дележе денег вспомнил он. В смятении чувств Олег Прокопович вернулся в торговый зал и присовокупил к продуктам в корзине чекушку водки. Чекушка была выпита в подворотне родной многоэтажки и заедена ломтём варёной колбасы. Однако выпитое горячительное не прояснило ума Олега Прокоповича.

На четырнадцатом этаже, в однокомнатной квартирке, Олега Прокоповича уже заждалась его жёнушка.

Супруги Награждённовы походили друг на друга и внешне, и по темпераменту. Так как супруг, Светлана Награждённова была чрезвычайно ревнива. Впрочем, этим душевным переживанием исчерпывалась вся её эмоциональность. Разумеется, при виде пьяненького супруга у Светы Награждённовой началась дежурная истерика.

– Я всем рассказываю, что ты не пьёшь, Олег, а ты опять выпил, как на прошлой неделе, – начала Света, заливаясь слезами. – Ты опять пил на работе с этими длинноногими девицами!

Олег Прокопович за двенадцать лет жизни с женой привык выслушивать одни и те же упреки, слышать всхлипы и причитания. Поэтому, он молча снял шапку и макинтош, разулся и попытался уединиться на кухне. Однако это Олегу Прокоповичу не удалось. Сначала затихли всхлипы. Потом за застеклённой кухонной дверью зашуршала возня. Олег Прокопович знал – это любящая жена рылась в бауле и карманах его макинтоша.

За годы брачной жизни Света Награждённова сильно располнела и несколько опустилась. Свои седеющие курчавые волосы Света красила в тёмные оттенки. Огромное свое тело Света обычно прикрывала тёмными балахонами, белое лицо её обрамляли буйные локоны длинной до плеч, глаза она обычно подводила густой черной тушью. В целом Светлана Награждённова выглядела пугающе экзотично. При весе в сто четыре килограмма так-то просто покидать жилище, тем более что лифт в их шестнадцатизэтажке часто ломался. Водрузить себя на четырнадцатый этаж без его помощи у Светы не получалось. Бывало, она подолгу просиживала у подъезда в компании пенсионерок, ожидая прихода лифтёров. Света давно уже не работала, хотя, как и её муж, закончила фармфак. Детей у супругов не было. Ежедневные занятия Светланы сводилась к приготовлению обильной и разнообразной пищи и ожиданию прихода мужа с работы. Большая часть жизни супруги Олега Прокоповича протекала в обществе упитанной собаки породы ротвейлер по имени Джульетта. Носительница вычурного, не пёсего, имени вносила некоторое разнообразие в жизнь четы Награждённовых.

В описываемый же мною вечер, Олег Прокопович уже принялся было поесть приготовленный Светланой французский луковый суп с крутонами, когда в поле его зрения вдруг возникли пачка голубых банкнот и надкусанный батон варёной колбасы.

– Что это? – на влажных ещё щеках супруги виднелись потёки антрацитовый подводки.

– Я колбасой закусывал, – печально ответил Олег Прокопович.

– Я про деньги. Олег! Я тебе всю молодость отдала! Посмотри на кого я стала похожа из-за тебя? – привычно заныла Светлана и из её уже и без того припухших глаз опять потоком потекли слёзы. – Ты от меня деньги прячешь! На девиц длинноногих собрался их тратить!

После этих слов надкусанный батон колбасы, кувыркаясь в воздухе, пересек кухню и прямой наводкой ударил по очкам Олега Прокоповича. Очки слетели с его лица и исчезли где-то под столом.

– Эти деньги дал мне шеф для дела, – пробубнил Олег Прокопович с набитым ртом.

Он пытался нашарить под столом очки, надеясь, что они всё же не сломались. Обычно очкам на носу Олега Прокоповича удавалось просуществовать недели две-три, не более. Учитывая дороговизну оптики и оправ, ежемесячное приобретение новых очков вносило существенную брешь в семейный бюджет Награждённых. По этой причине очки, находившиеся на носу Олега Прокоповича в каждый конкретный момент времени, всегда несли на себе следы ремонтов. Ремонт, как правило, производился с применением или лейкопластыря, или разноцветной изоляционной ленты.

– Для какого дела? – Света всё ещё плакала

– Старуху одну прибить хочет, – отсутствующим тоном ответил Олег Прокопович

– Как убить? – Света внезапно перестала плакать и зашмыгала носом.

– Он сказал: «Вы должны решить проблему». Раз вся проблема в старухе, значит надо её прибить, – ответил муж жене.

– Как же ты собираешься это делать? – всё больше изумлялась жена.

– Как старух убивают? Обычно это делают топором. Но топора у меня нет. Может быть, ты у отца спросишь? У него-то наверняка топор есть, он же дачу строит.

Олег Прокопович был неплохо образован. Знания о способах убийства старух он почерпнул непосредственно из первоисточников. Говоря «отец», он подразумевал не своего отца, который давно умер, а отца Светланы или «тестюшку», как он его чаще называл.

– У тебя, наверное, белая горячка. Или твои девки тебе гадости какой-нибудь в водку подсыпали – вот и ты и бредишь,

Светлана снова начала возбуждаться. Однако, несмотря на волнение, пачечку голубеньких банкнот она уже незаметно засунула в кармашек своего балахонистого одеяния. «Они обычно афродизиаки подсыпают, а не отраву», – сказал муж жене и отправился в ванную комнату смывать с себя прах двукратной поездки на общественном транспорте и дневного труда в «Научно-техническом продукте».

Там, наедине с собой, он размышлял о планировавшейся в выходные поездке на дачу к «тестюшке» и о топоре, который надеялся там раздобыть.

Глава 12

Осенние деньки в самом конце октября ещё иногда одаривают любителей дачного отдыха возможностью пожарить шашлыки и выпить рюмку – другую в семейном кругу, не вымокнув при этом под дождём до нитки и не налепив на обувь мощные оковалки мокрой глины. В такой вот октябрьский денек чета Награждённых вместе со старшим братом Олега Прокоповича и его юной подругой прибыли на дачу к родителям Светланы.

Константин Награждённый – крупный, не первой молодости мужчина, трудился редактором в одном из «желтых» изданий. Подруга Константина Прокоповича именовалась Натальей Потёмкиной, была молода, хороша собой и любила выпить рюмку другую в хорошей компании. Столь похвальные свойства её природы спланивали разнокалиберное семейство Награждённых – Рядовых и делали семейные сборища оживлёнными и содержательными. Внешность Наташи полностью соответствовала стандартам женской красоты, принятым Олегом Прокоповичем: длинные ноги, худощавое телосложение, юный возраст. Наташа запивала водку дешевым коньяком наравне с мужчинами и на полную катушку радовалась жизни. Все эти обстоятельства слегка раздражали и Светлану, и Константина. Впрочем, поскольку совместное пьянство Олега Прокоповича и Натальи не влекло за собой никаких далеко идущих последствий, то и противодействия ему со стороны остальных-прочих членов семейства не возникало.

В конце октября темнеет рано, на улице холодно и неуютно выпивать и закусывать. Веселые собутыльники начинают стучать зубами и проситься в тепло. Что до супругов Рядовых, так те и вовсе пошли спать, оставив молодёжь веселиться, как им заблагорассудится. Молодёжь же перебралась из-под хмурого осеннего неба на веранду. Веранда дома Рядовых представляла собой небольшую и разнообразно меблированную в стиле ретро комнату. Тут приютились и бабушкины стулья из клееной фанеры, покрытые облупившимся лаком, и драное всеми поколениями котов семейства Рядовых кресло, и засаленный и продавленный диван, на котором в обнимку расположились Константин и Наталья. В низеньком, лакированном серванте позвякивали старинные стопки и фужеры. На полочке в углу примостилось несколько растрёпанных томиков. Украшал интерьер огромных размеров телевизор, с экрана которого интеллигентного вида мужская голова хорошо поставленным голосом вещала о загадках неопознанных летающих объектов. Под столом, покрытом клеёночатою скатертью, мирно посапывала толстопузая Джульетта. Компания уже опорожнила пару бутылок коньяка и Света изрядно устала. Она всерьёз подумывала о том, чтобы отправиться спать. Константин и Наталья периодически взасос целовались на диване.

Константину давно уже пора было жениться. Но женитьба всё как-то не складывалась. Наталья любила весёлые компании, поездки на моря летом, походы по шмоточным магазинам в любое время года. Стоять у плиты, мыть полы и закупать в магазинах продукты на всю семью Наталья категорически не хотела. Захмелев от выпитого коньяка, подруга Константина Награждённого произносила тост за тостом, обращая преимущественно к интеллигентного вида голове в телевизоре. От этого увлекательного занятия её могли оторвать только страстные поцелуи Константина. Константин же, напротив, пил как обычно мало, а напитков крепче сухого вина, желательно белого, вообще не употреблял. Да и табака он курил. Наконец Свету, захмелевшую и усталую, уложили на диван, завалив сверху старыми пальто и телогрейками. Наталья и Константин пересели на стулья. Это перемещение позволило отвлечь пьяненькую Наташу от говорящей головы в телевизоре, и парочка с ещё большим увлечением принялась целоваться.

В течение всего застолья Олега Прокоповича не оставляли мысли о топоре, который он уже заметил в сарайчике, хранившем в своём чреве садово-огородный и строительный инвентарь.

тарь. Улучшив момент, когда брат Константин и Наталья слились в очередном страстном поцелуе, он взял в руки фонарик и вышел в промозглую октябрьскую ночь. По тропинке между перекопанных под зиму грядок, Олег Прокопович доплёлся до сарая и осветил его фанерную дверь. В размытом пятне света на обшарпанной поверхности двери он прочитал следующую надпись:

«Орудие лежит на полке!»

Слова были написаны неровным, детским почерком какой-то странной фосфоресцирующей краской. Олег Прокопович, дрожащими от холода и душевного смятения руками, распахнул дверь. Луч фонарика нашарил в темноте верстак и полку с инструментами над ним. На верстаке, ничуть не стесняясь, восседало странное существо, по виду девочка лет восьми, худенькая и, кажется, белобрысая. Наряд странного создания состоял из полупрозрачного кружевного пеньюарчика. Круглую головку девочки украшала лихо нахлобученная твидовая мужская кепка. Из-под кепки свисали трогательные косички. Козырек кепки бросал на личико существа густую тень. Существо раскачивало в воздухе тоненькими розовыми ножками, обутыми в ботиночки. Игривые помпончики болтались из стороны в сторону. Тонкие пальчики левой ручки существа сжимали дымящуюся сигаретку. «Здорово, Прокопыч, – сказала существо низким, прокуренным голосом. – Меня зовут Ларочка, а топорик – там!»

С этими словами существо оттопырило большой палец правой ручки, которым указало куда-то себе за спину, туда, где отец Рядовой обычно хранил свой топор.

В сильном волнении Олег Прокопович приблизился к верстаку и, стараясь не глядеть на странную Ларочку, схватил топор, сунул добычу себе под телогрейку и в ужасе погасил фонарь.

К дому он пробирался в полной темноте. Мысли путались. То мечталось о стройном теле Натальи Потёмкиной, таком близком и доступном, то оглушивало неотвязное осознание неотложной необходимости навеки бросить пить.

А Светлане Награждённой всю ночь снился симпатичный и ласковый буланый жеребчик. Приятные прикосновения его бархатной шкурки вызывали в её теле уже забытую сладкую истому. Горячее дыхание щекотало самые чувствительные места её мясистого тела. Утром Светлана проснулась совершенно счастливой и даже не стала ругать мужа за то, что он улегся спать, не сняв с себя одежду, да ещё и с отцовским топором в обнимку. Про разговор, состоявшийся между ней и мужем накануне на кухне Бирюлевской квартиры, Светлана Награждённая напрочь забыла и не заметила, как благоверный супруг утром укладывал в багажник новенького Константинова «Ниссана», бережно завернутый в тряпицу отцовский топор.

Попутру отец Рядовой, перекурив на резном крыльчке собственного дачного дома, отправился в сарай постругать-попилить чего-нибудь по хозяйству. Дачку свою отец Рядовой отстраивал и достраивал уже лет двадцать.

Ах, этот запах свежих опилок! Ах, эти проекты, которые снова и снова возникают в головах неумных фанатиков дачного строительства! Ах, эти сложенные тут и там аккуратными стопками строительные материалы, которым не всегда суждено превратиться в готовые сооружения! Видимо, когда не молодой уже мужичек принимается за строительство дачного домишки, его больше интересует сам процесс, нежели его конечный результат.

Сарайчик стоял на краю дачного участка. Его отец Рядовой тоже никак не мог довести до ума. То времени не хватало, то – денег. Отец Рядовой сильно озяб. Осеннее солнце, едва отравившееся от горизонта, ярко засвечивало в щели между брусьями и в оконце, полуприкрытое ветхой ситцевой занавеской. На стене над верстаком, прямо на плохо оструганных брусках, красовалась надпись странного содержания:

«Если топорик лежит в сараюшке – значит скоро он станет орудием,

Если он станет орудием – значит кто-то сильно испугается,

Если кто-то сильно испугается – значит другие горько заплачут».

Слова были написаны неровным детским почерком белой краской. Отцу Рядовому удалось ликвидировать только через месяц, да и то лишь при помощи рубанка.

Глава 13

Тусклое осеннее солнце клонилось к закату, когда в уютном дворике Лилии Гиацинтовой наконец собрались приглашенные с Наиной Генриховной во главе.

Во-первых, Василий Александрович подал серьёзный повод для тревоги: сразу по прибытии на место сбора гостей он залпом употребил поллитровку крепленого пива. Эту поллитровку Василий как фокусник извлек откуда-то из недр багажника своего ржавого «Жигуленка».

Во-вторых, сам котеджик Лилии привел Наину в смущение и размером светлых комнат, и уютом обстановки. Да и внучка Лилии – миловидная такая девочка с удовольствием ухаживала за гостями, разливая по чашечкам ароматные травяные чаи.

И, наконец, самое главное. Пренеприятное событие произошло при посещении шикарно отделанного будуара Лилии, выдержанного в цвете молодой зелени. Там, в туалетной комнате на облицованной керамической плиткой стене белой чуть фосфоресцирующей краской была нарисована жирная стрелка, указывающая в направлении унитаза. Под стрелкой стояла надпись: «В это позолоченное очко ты, о Наина, можешь опорожнить свой кишечник, переполненный желчью». Дымчатые очки не смогли скрыть смущение и испуг Лилии Гиацинтовой. А моющие средства даже в умелых руках Серкевича не смогли вот так вот сразу уничтожить хулиганскую надпись.

Общество устроилось возле летней кухни, в беседке, увитой диким виноградом. Пурпурный потолок и стены освещала старинная, керосиновая лампа, прикрытая стильным абажуром. Собрались все: и Лилия Гиацинтова с Вадимчиком и внучкой, и Ангелина Адамовна с супругом, Балдошка с Буланчиком и, наконец, сама Наина Генриховна со своим уже изрядно пьяненьким Василием. Тут же примостился и дед Серкевич, которого пригласила Лилия Гиацинтова по наущению Вадимчика. Валюшку не приглашали. Наина Генриховна дала понять организаторам застолья, что не намерена проводить свободное от работы время в обществе лиц подчиненных, а именно Валюшки и её подружки – старушки. Катерина где-то запропала и общество уселось к столу, не дожидаясь её приезда.

– Зачем она едет сюда, Ангелина? – рассуждала Наина Генриховна. – И как же это её Артурчик отпустил одну, э?

– Её Лилия пригласила, – смущенно ответила Ангелина Адамовна.

– Зря она это сделала, – авторитетно заявила Наина Генриховна. – Катерина ведь женщина, не пристроенная и молодая. Лилии не мешало бы подумать о Вадимчике. Вдруг он западёт на Катерину. Ты не боишься, Лилия?

Лилия Гиацинтова безмолвствовала. Вадимчик колдовал над мангалом. Тут же, рядом с ним разместился Василий Убывалов. Оживленно жестикулируя и обильно уснащая речь непечатной лексикой, Василий давал своему более молодому товарищу советы. Хриплые звуки его речи в совокупности со звуковыми дорожками, транслировавшимися по радио «Шансон» создавали неповторимый в своём своеобразии звуковой фон для изысканной вечеринки на свежем воздухе. Между тем Наина Генриховна не унималась.

– Ангелина! Катерине уже давно пора замуж. Это мой Алексей ещё может пару лет подождать – он мужчина! А Катерине ещё надо родить успеть. Тебе давно пора стать бабушкой!

Возле мангала Вадимчик активно потчевал Василия Убывалова из литровой бутылки виски. В тот момент, когда общество начало угощаться шашлыками, а Василий уже не мог сидеть, прибыла наконец Катерина. Она устало опустилась на садовую скамейку, с краю. Кто-то поставил перед ней столовый прибор, налил в бокал красного вина, спросил участливо:

– Тебе, молодка, шашлык из рыбки или лучше мяса наложить?

Катя подняла взгляд на говорившего. Ну что за отвратительная морда! Глаза узкие, нос колбёшкой.

– Кондрат Апофеозов, – представился странный индивид, обнажая со старомодным поклоном плешивую голову.

– Неважно выглядишь, Катя, – вмешалась в их беседу Наина Генриховна с другого конца стола. – Наверное, устала за неделю! И не удивительно, всё время одна, без поддержки! Только в воскресенье и есть время на отдых. Что же заставило тебя приехать к нам, старикам? По Вадиму, наверное, соскучилась? Ну, ему сейчас не до тебя, он мясо жарит, а потом Лилией будет занят. Со временем ты поймешь, что и у взрослых женщин есть преимущества...

– Я вас приехала повидать, – не растерялась Катерина.

– Ну и как я тебе? – Наина Генриховна потрянула головкой. – Ты доживи до моих лет, посмотрим, как будешь выглядеть.

– До того времени ты сдохнешь, Наина и ничего не сможешь увидеть, – еле ворочая языком изрек Василий.

– Ну вот! Опять нажрался, козёл, – гордо ответствовала почтенная дама.

С этих двух фраз началась обычная перебранка, из тех, которые не редко происходят между очень давно живущими совместно супругами, которые за долгую жизнь осточертели друг другу до чрезвычайности.

– Бывает, бывает, – бормотал между тем Апофеозов себе под нос. – Как же часто бывает, что за живописным фасадом довольства и благополучия этих счастливых и «полноценных» семейств, скрываются отчуждение, глубоко укоренившаяся взаимная неприязнь и даже ненависть. Чужого человека невозможно возненавидеть так люто, как близкого, как супруга, с которым бок о бок прожит не один десяток лет. Крутенько заваривается бульонец обид, скуки, бытовой неустроенности, нескончаемый поток взаимных упрёков и претензий, физическая невозможность разехаться, хотя бы на время исчезнуть из поля зрения друг друга. На этой благодатной почве в изобилии распускаются зловонные цветы ненависти.

Катерина прислушивалась к его словам, испытывая странную тревогу и смущение от звуков его голоса. От выпитого вина эта дурнота? Или просто усталость?

«Ах, мама, мама! Ну зачем ты вытащила меня на эти дурацкие посиделки?» – так думала Катя, зябко кутаясь в клетчатый плед, заботливо накинутый ей на плечи всё тем же Апофеозовым.

Тем временем, супруги Убываловы так увлеклись друг другом, что не заметили, как остальные гости удалились из беседки. Разбредись кто куда. Только Катерина и дед Серкевич, всё ещё сидевшие за столом.

Дед Серкевич, как говорится, ловил момент. Катерина же, пристроившись в углу беседки и грея в руках бокал с вином, присматривалась к супругам. Из радиоприемника доносилась заунывно-пафосная песня о супружеской любви.

– С этой женщиной мы словно Богом венчаннымы... – подпевали Балдошка и Буланчик. Изрядно подвыпившие, веселые, они притопывали в такт заунывной мелодии и палые листья шелестели под подошвами их ботинок.

Наконец Наина Генриховна, в крайнем раздражении схватила со стола эмалированную миску, в которую общество складывало кости от мяса и, исказившись лицом, ударила доньшкой посуды по лысой голове супруга. От удара куриные кости, наполнявшие миску, сначала подскочили высоко вверх и затем осыпались на голову, плечи и живот Василия Александровича. Доньшко миски при этом прогнулось внутрь. Василий кулем завалился вбок. Катерина и дед Серкевич в немом изумлении взирали на недвижимое тело Василия, усыпанное обглоданными куриными и бараными костями. Из радиоприёмника надсадно-пафосно доносилось:

– Её величество – женщина, моя жена!

Наина Генриховна, гордо тряхнув головкой поспешно удалилась. Балдошка и Буланчик, весело хохоча поспешили следом.

– Странные же у них фамилии, – растерянно пробормотала Катерина, с неохотой покидая нагретое местечко. – Давай, дедушка, его реанимировать

Она склонилась над Василием Убываловым, озабоченно всматриваясь ему в лицо:

– По-моему он просто мертвецки пьян.

– Да уж, наверное! – изрек дед Серкевич. – Вряд ли эта стервища смогла бы его миской убить.

– Когда-нибудь точно убьёт, – Катерина перевернула Василия на спину. – Она постоянно его дубасит по башке кухонным инвентарем. Он уже и в «Склифе» лечился, и в институте Сербского.

– Зверь – баба, – согласился дед Серкевич.

Катерина и дед Серкевич уже примерились взять Василия под мышки, чтобы отволочить его ближе к дому. Но тут из осеннего мрака беззвучно возникла приземистая и широкая фигура Апофеозова.

– Не трогайте вы его. Идите себе спать спокойно. А я позабочусь об этой куче хлама. Определю её в нужное место, – звук голоса Апофеозова был не то чтобы тих и шепеляв, о как-то даже шуршащее змеист.

Он заползал в уши слушателей и как незримая, но совершенно материальная субстанция, заполнял собою мозг. И Катерина, и дед Серкевич одновременно ощутили какую-то странную апатию и даже сонливость. Оба послушно побрели каждый в свою сторону. Катерина – в комнату, отведённую хозяйкой Ангелине Адамовне и ей. Дед Серкевич – на свой дачный участок к бабе Тане под бочок.

Тем временем на улице стемнело. «Розовый поселок» затопил непроглядный мрак. Даже уличные фонари, дававшие и без того скудное освещение, почему-то почти погасли. Между тем волосистый хвост Апофеозова обвил собою тощий торс Василия Убывалова. Апофеозов повернулся к супругу Наины Генриховны спиной и направился куда-то в темноту. Недвижимое тело Василия пришло в движение и поволоклось следом за Апофеозовым прочь со двора Лилии Гиацинтовой, в темноту.

Глава 14

Придя в отведенную ей спальню, Наина Генриховна ощутила сначала апатию, затем сонливость. Она присела на край кровати. Тут Наину потянуло в сон. Она решила лишь на минутку прилечь к подушке, тихо прилегла и проснулась лишь утром. На улице уже расцвело. Ангелина Адамовна её за плечо и умоляла проснуться.

– Нет ни Василия твоего, ни его автомобиля, – твердила подруга в самое ухо Наины Генриховны.

За окном слышались звуки шагов и возбуждённые мужские голоса среди которых выделялся тенорок деда Серкевича. Когда Наина Генриховна и Ангелина Адамовна вышли во двор, Вадимчик и дед Серкевич быстрыми шагами шли по направлению к калитке, которая вела к озеру.

– Они сейчас подъедут туда на тракторе. Мы привяжем трос и вытянем её, голубушку, из воды, – дед перебирал ногами позади Вадимчика, стараясь не отстать. – Васю-то мы из воды уже вытянули. Он-то жив, но толи спит ещё, толи без чувств. Моя Таня осталась с ним.

Наина Генриховна и Лидочка последовала за мужчинами.

Одна из окраин «Розового поселка» примыкала к небольшому озерцу. Озерцо пересекала плотина, по верху которой пролегла дорога в «Розовый поселок». Такое случалось и раньше: подвыпившие индивиды не вписывались в крутой поворот на плотину и съезжали с неё в озеро. Тоже самое, по-видимому, случилось и с Василием Убываловым. Задняя часть автомобиля Жигули цвета баклажан торчала из болотистой жижи небольшого безымянного озерца. Тут же находился хозяин авто. Он лежал навзничь. Лицо его покрывала болотная грязь, руки были раскинуты в стороны, ноги погружены в воду. Иногда дыхание Василия пресекалось надсадным кашлем. Рядом с ним стояла баба Таня, супруга деда Серкевича, с автомобильной аптечкой в руках. Наина Генриховна, Вадимчик и дед Серкевич с изумлением взирали на картину катастрофы до тех пор, пока не услышали клацанье и скрежет. По плотине в сторону места происшествия вихля колёсами двигался старенький трактор марки «Беларусь», принадлежавший товариществу садоводов «Розового поселка». Управляли трактором Болт и Турдым. Жиянбой и Охахон шагали следом. Каждый нес в руках по лопате. Наина Генриховна, очнувшись от оцепенения, порождённого видом недвижимого тела супруга, занялась привычным делом, а именно руководством. Первым делом, Жиянбой и Охахон вытянули тело Василия из воды.

– Несите его в дом! – командовала Наина Генриховна. – А я пока автомобилем займусь!

Василия унесли прочь от жены. Жена не стала сопровождать мужа. Процесс втягивания автомобиля из безымянного озерца, требовал её руководящих указаний. Вадимчик и дед Серкевич привязывали конец троса к буксировочному крюку баклажанного «Жигуленка». Болт маневрировал на оглушительно тархтящем тракторе, стараясь подъехать поближе к суетящейся команде спасателей.

– Куда ты рулишь, образина! А ты, стервь, отойди в сторону! Не то этот охламон тебя трактором переедет! – орал истошно дед Серкевич.

– Вы понимаете, с кем разговариваете? Наденьте очки, чтобы понять, кто перед вами! – Наина Генриховна даже в такой критической ситуации не теряла чувства собственного достоинства.

– Старая стерва передо мной. Это и без очков видно, – пыхтел взмокший дед.

– Вы – козёл и такая же дачная пьянь, как мой Василий. Перегарищем разит за версту. Совсем от пьянства обезумел. Вам надо в наркологическую клинику на лечение отправиться, а не людьми руководить. Это моя машина, вы понимаете?

– Вот и смотрела бы лучше за своей машиной и своим пьяницей-мужем. Тогда лежал бы он сейчас тёплый с тобой в кровати, а не валялся в беспомощности в воде. Ты, Татьяна, ступай отсюда. Иди домой хоть чаю завари!

Последняя часть фразы деда Серкевича была обращена к его жене. Молчаливая баба Татьяна поспешила выполнить указание супруга. В это время Вадимчику удалось наконец закрепить конец троса на буксировочном крюке баклажанных Жигулей.

– Разве я так велела веревку крепить? – глаза Наины Генриховны, казалось, вот-вот выскочат из орбит. – Не понятно, как у такого специалиста как твоя мама мог вырасти такой сын. Ты хоть в чем-нибудь разбираешься?

– В ебле он хорошо разбирается. Если захочешь, он и тебя трахнет, не побрезгует, наверное, – пробормотал себе под нос дед Серкевич. Но эти его слова не были, к счастью, услышаны никем.

В этот момент двигатель трактора оглушительно взревел, Болт надавил на педали и рычаги, трактор тронулся и пятясь медленно потащил из болотистого берега застрявший «Жигуленок». Между тем словесная потасовка продолжалась. Наина Генриховна обратила свой начальственный взор на Вадимчика.

– Лучше бы ты сел за руль трактора. Этот странный человек плохо им управляет, – намяникуранный перст Наины указывал в сторону Болта.

Передние колёса «Жигуленка» уже выползли из болотистой жижи. Турдым, по плечи в жидкой грязи, подталкивал автомобиль, стараясь помочь трактору сделать его работу. Уже обнажился покрытый глиняной взвесью перед автомобиля.

– Я не тракторист, Наина Генриховна... – вяло отвечал Вадимчик.

– Давай, Вадим, заканчивать эти разговоры в пользу бедных, – в голосе Наины Генриховны появился уже знакомый нам металл. – Полезай в кабину, управлять трактором должен ты.

– Не надо мною командовать! – отрезал Вадимчик. – Тут не Солидное учреждение, а я не офисная крыса...

Баклажанный «Жигуленок» между тем, уже стоял на дороге. С «Жигуленка» струями стекала жидкая грязь. Остолбеневший дед Серкевич прочитал вслух надпись, начертанную на капоте. Белые буквы, проступившие были написаны детским неровным подчерком:

«Не будь душой, Наина! Берегись! Злая судьба стоит у тебя за спиной!».

– Что это? – возопила Наина. – Вадим! Не ты ли это написал? Может быть пояснишь, чего именно я должна беречься?

Дед Серкевич и Вадимчик молча взирали на таинственную надпись. Болт и Турдым, покуривая топтались неподалеку.

– Лилия! – зычным голосом возвала Наина Генриховна, направляясь к дому. – Моего Василия хотели убить! Это преступники столкнули его вместе с машиной с берега в болото! Лилия! Вызывай милицию! Нам с Васей угрожают!

Выкрикивая всё это Наина Генриховна, быстрым шагом двигалась в направлении дачи Лилии Гиацинтовой.

– А что, прикольно! – ухмыльнулся Вадимчик

– Это вы, бойцы написали? – дед Серкевич подозрительно воззрился на Болта с Турдымом

– Сдать нас решили, гадюки... – процедил Вадимчик.

– Побойся Бога, Вадим! – возразил дед Серкевич. – Они и писать-то, наверное, не умеют! Болт и Турдым согласно закивали головами.

– Кто же тогда прикалывается? – возлюбленный Лилии Гиацинтовой призадумался. – Наинка ведь не только нам пакостит... Мы-то просто поугубить решили, а кто-то может быть вовсе не шутит?

– Мы разве шутим? – осторожно спросил дед Серкевич.

– Мы – шутим, – с каждой новой фразой голос Вадимчика становился всё тише. – Эх знать бы, кто на Наинку ещё зуб точит и что предпримет!

Между тем, Болт и Турдым при помощи подоспевших Жиянбоя и Охахона соединили трактор и «Жигуленок» буксировочным тросом.

– Там женщина-начальник скандалит, – сказал круглолицый Охахон, обращаясь ко всем начальникам сразу.

Его улыбочное лицо стало ещё более округлым, чем накануне – Требуется, чтобы хозяин-Вадим тащил их машину своим фордом. А хозяйка-Лиля ей возражает – говорит, Болт на тракторе будет тащить. Так кричат обе – почти дерутся. Остальные все попрятались – боятся. Хозяин-Вася так и лежит не встаёт, молчит.

Закурив, мужчины отправились к домику Лилии Гиацинтовой.

– Пусть трактор тащит, – бормотал дед Серкевич, выпуская дым из ноздрей. – Ты, Вадим, свою машину не порти. Много чести стерве.

– Эта стерва – начальница моей матери, дед. Тут всё не так просто, как ты думаешь, а ещё проще, – отвечал мрачный Вадимчик. – Я ей сейчас откажу, а завтра она на матери отыграется. А мамочка моя – пенсионерка уже.

– Зачем же твоя мама на старости лет работает? – изумлялся дед. – Вот моя-то Татьяна...

Вадимчик аж остановился от возмущения.

– За деньги она работает, дед. Неужели это не понятно? Ради денег человек работает, – повторил он ещё раз. – А деньги нужны, чтобы жить.

– Для жизни совесть нужна, – возразил дед.

– Такая как у тебя совесть, дед? – ухмыльнулся Вадимчик. – Вчера только судили-рядили как стремную бабу успокоить. Мужа её решили в холодном болоте искупать. Этого вашего Апофеозова, черт знает кого, снарядили на это дело. Это видимо, дед, всё по совести.

Вадимчик сплюнул.

– А насчёт надписи этой угрожающей надо у твоего приятеля спросить, дед. У Апофеозова у этого. Где он?

– Да улетел, наверное, – махнул дед Серкевич куда-то в сторону рукой. – Он всё летает туда – сюда.

За этими праздными разговорами мужчины прибыли к месту очередного скандала. Разгневанная Наина Генриховна бегала по двору, зеленые глаза её метали молнии во все стороны.

– Не баба, а хамелеон свирепый, – вздохнул дед Серкевич.

– Вадим! Собирайся! – скомандовала Наина, едва завидев Вадимчика. – Ты потащишь нашу машину домой!

– Не потащит. И машина эта – моя!

Видимо этим утром Лилия Гиацинтова уже не первый раз возражала Наине Генриховне. Лицо её покраснелось, она даже помолодела от гнева – Я забрала у него документы и ключи. Я их спрятала, а твои ржавые жигули пусть трактор тащит.

– Вы милицию-то вызвали? – поинтересовался дед Серкевич.

– А вам, дедуля, следовало бы понимать, что человеку моего социального статуса невозможно заявлять в милицию о таком происшествии, – гордо ответствовала Наина Генриховна.

– Да ну! – хохотнул дед. – Свалился пьяный мужик на тачке в пруд. Ну что тут такого? А хулиганскую надпись подростки написали. Как вы поедете-то на такой машине по проезжей дороге? Вас первый же патруль остановит. А милиция приедет, протокол составит...

– Я сама могу какой угодно вам акт составить и о чем угодно, – прервала его Наина. – А муж мой вообще не пьет и не пил никогда.

– Вот как! – не унимался дед Серкевич. – А не он ли вчера на моих глазах целый пузырь вискаря схомачил и пивом его залакировал?

– Он просто болен, а вы стары и тупы. Мой муж не пьёт. Давайте завершать эту дискуссию. Это не ваша проблема! – спина Наины стала ещё прямее, а плечи ещё шире. – Свободны!!

Последнее слово железная глотка Наины Генриховны исторгла так профессионально, что ей позавидовал бы любой старшина – мастер муштровки новобранцев.

– А по-моему тут не о чем спорить и не нужна никакая милиция, – произнёс тихий змеистый голос.

Сам Апофеозов стоял тут же. Его нос-колба всё также возлежал на верхней губе, прорезиненный плащ неопределённого цвета всё так же горбатился на спине.

– Я поеду вместе с Болтом на тракторе, – продолжал Апофеозов, – И улажу все проблемы, если таковые возникнут. Будьте покойны.

И всё моментально утихло. Гнев миновал, раздражительность спала, громкие голоса умолкли. Скандалисты разошлись каждый по своему делу. В уютном дворике Лилии Гиацинтовой остались лишь сама хозяйка и Апофеозов.

– Ты не переживай, милая, – тихо бормотал странный дачник, – Она достаточно напугана. Завтра она до конца осмыслит всё произошедшее и вам на какое-то время станет полегче.

– На какое же время, дружок, – ответила Лилия Гиацинтова.

Румянец гнева сошел с её щек, она успокоилась и присела на лавочку в беседке.

– Ненадолго, милая. Эту женщину бесы водят, они и руководят ею. Бесы выются, бесы скачут, бесы песенки поют, – голос Апофеозова имел не только своеобразный и неповторимый тембр, но и температуру.

Он вливался в уши Лилии Гиацинтовой, как вливается тёплое молоко в воспалённое горло больного ребёнка. Он успокаивал, утишал гнев и тревогу. Под влиянием этого голоса, Лилия Гиацинтова перестала слышать все прочие звуки. На её чело опустилась сладкая полудрема.

Апофеозов же, воспользовавшись минутным забытьём Лилии Гиацинтовой, выпростал из-под прорезиненного плаща огромные кожистые крылья. Быстро и бесшумно взлетев, он исчез из виду.

Ценой невероятных усилий чету Убываловых удалось всё же погрузить в их чудо-автомобиль. Наина Генриховна лично села за руль. На заднем сидении навзничь лежал её почтенный супруг. Управление трактором поручили Болту, рядом с Болтом в кабину трактора поместился Апофеозов. Впереди процессии, мигая аварийными сигналами, следовали Вадимчик и Лилия Гиацинтова в Форде Мондео. Процессию замыкали Катерина на «Ситроенчике» и Ангелина Адамовна с супругом на своем авто.

В Жигулях, рядом с Василием поместилась весёлая компания. Балдошка и Буланчик весело распевали зажигательные мотивы из репертуара ВИА «Самоцветы».

Глава 15

Описанные выше события не помешали Наине Генриховне на следующий день отправиться к месту службы.

Валюшка явилась на рабочее место, волоча за собой клетчатый чемодан на колёсиках. Выражение лица у крупного специалиста было кислее клюквы. Носик покраснел и хлюпал. Ночью Валюшка всплакнула. Очень не хотелось ей лететь на самолёте в Стрёмовск. Там, в северных краях уже лежал снег, солнце садилось рано и в атмосфере ощущалась нехватка кислорода. Целую неделю Валюшке предстояло провести среди чужих людей и в постоянном напряжении.

Валюшка расстегнула клетчатый чемодан. Она высоко ценила порядок и аккуратность во всем. Каждый предмет одежды упаковала в отдельный пакетик. Предметы личной гигиены в идеальном порядке разложены в косметички. На сборы в командировку Валюшка потратила изрядное количество времени. Ещё неделю назад она попросила сыночка извлечь клетчатый чемодан с антресолей. Она тщательно стёрла с него пыль и поставила рядом с тумбочкой, по совместительству выполнявшей функции туалетного столика. Там чемодан простоял около двух суток, после чего с него повторно стерли пыль. Весь выходной день, Валюшка потратила на раскладывание личных вещей по чистеньким пакетикам. На самом дне чемодана поместились меховые тапочки. Поверх них две трикотажные кофточки и юбка. Затем, в отдельном пакетике, две смены нижнего белья и тёплая пижама. Поверх всего этого поместился тёплый свитер. По бокам от одежды разместились косметички с туалетными принадлежностями и фен. Теперь Валюшка вознамерилась поместить поверх всего этого папку «Корона» с подшитыми в неё документами «Центра освоения периферии». Валюшкина худенькая коленка прижала крышку чемодана, чтобы облегчить маленьким ручкам борьбу с непослушной застёжкой типа «молния». В этот момент в кабинете, как обычно, стремительно появилась Наина Генриховна.

– Во сколько у вас самолёт? – от порога, не здороваясь, спросила грозная начальница.

– Здравствуйте, Наина Генриховна! – скорбным голосом ответила Валюшка.

– Здравствуйте, – снизошла госпожа Убывалова. – Вы слышали мой вопрос?

– Конечно. Самолет в семнадцать часов, а ещё эту проклятую папку в чемодан не записала, – тихо ответило лицо подчинённое своему начальнику.

– Зачем же брать с собой столько вещей? Я, к примеру, только пижаму с собой беру. Перед кем там, в Стрёмовске, вы собираетесь наряжаться? – зеленоватые глаза Наины Генриховны уже начали свое гневное вращение. – Вы работать едете. Вам некогда будет наряды демонстрировать.

С этими словами грозная начальница, корпусом отстранила Валюшку в сторону. Так заправский хоккеист отодвигает в сторону противника в борьбе за обладание шайбой. Откинув клетчатую крышку, Наина Генриховна в мгновение ока перерыла всё содержимое чемодана, извлекая оттуда один за другим с любовной аккуратностью упакованные предметы. В числе оказавшихся лишними вещей оказались косметичка с пудреницей, тушью, тенями и губной помадой внутри, одна из трикотажных кофточек и тёплый свитер.

– Я же лечу на север, – взмолилась Валюшка. – Без свитера я могу там замёрзнуть и заболеть!

– А вы больше двигайтесь, милая моя! – расправив плечи, произнесла Наина Генриховна. – Кто же обещал вам, что будет легко? Надо меньше думать о тряпках и больше – о работе.

С этими словами начальственная дама с изумительной легкостью застегнула клетчатый чемодан. Валюшкины пожитки и папка типа «Корона» были полностью готовы к отправке в Стрёмовск.

– В аэропорт вы отправитесь не раньше часу дня. А до этого подготовьте мне развёрнутый план вашей работы в Стрёмовске. Да, забыла, надо же ещё кофе попить, – скомандовала Наина Генриховна стремительно направляясь в сторону своего кабинета.

Валюшка же осталась в оцепенении сидеть на своём канцелярском стуле с красной обивкой, прижимая к груди тёплый свитер ручной вязки. Из её голубеньких глазок лились слёзы. В этот скорбный миг запиликал сигнал вызова мобильного телефона. Это Вадимчик Кроликов решил позвонить своей маме.

Это произошло около тринадцати часов по полудни, когда и утренний кофе был уже выпит и даже уже съеден полдневный обед. Развёрнутый план работы в Стрёмовске уже был представлен пред начальственные очи и одобрен начальственными устами. Именно тогда Вадимчик открыл клетчатый чемодан и вернул личные вещи своей матери на положенным им места. Он утёр слёзы всё ещё плакавшей Валюшки и пообещал ей разобраться с её начальницей в ближайшем обозримом будущем.

– Ты уже пытался разобраться вчера, сынок, – Валюшка всё ещё всхлипывала, – так она сегодня явилась на работу ещё бодрее, чем обычно. Сволочь.

Так утешая и ободряя друг друга мама с сыном двинулись в сторону аэропорта. В след им махала рукой старушка, Валюшкина подружка.

Попив кофе в обществе Лилии Гиацинтовны и Ангелины Адамовны, Наина Генриховна уединилась в своём кабинете. Начальственная дама, ставшая в последнее время чрезвычайно забывчивой, вновь принялась за изучение важного документа. Документ разработала Балдошка. Наина Генриховна начерно откорректировала его. Однако документ все ещё требовал дополнительного изучения и доработки. Перед Наиной Генриховной лежали листы формата А4 со следующим текстом:

«Методики управления персоналом, разработанные Балдошкой и утверждённые Убываловой Наиной Генриховной – крупным руководителем.

Раздел 1.

Проверка явки персонала на рабочее место

Периодичность проверки: ежедневно

Методы контроля:

- контроль на входе в Солидное учреждение с секундомером в руках;*
- контроль использования обеденного времени с секундомером в руках в дверях столовой;*
- контроль времени нахождения в туалете в дверях туалетной комнаты с секундомером в руках. В этом случае предварительно проводится хронометраж времени нахождения в туалете по большой и малой нужде отдельно для лиц мужского и женского пола.*

Отчётные документы: объяснительные записки персонала, с объяснением причин опозданий (сверхнормативного нахождения в туалетной комнате).

Раздел 2.

Проверка места нахождения персонала в рабочее время

Периодичность проверки: по мере необходимости

Методы контроля:

- звонки на мобильный телефон с вопросом «Ты где?»;*
- сбор информации от должностных лиц вышестоящих организаций и представителей сторонних организаций;*

Отчётные документы: представление документальных свидетельств от вышестоящих и сторонних организаций, заверенных подписями и печатями.

Раздел 3.

Применение административных методов воздействия

Периодичность воздействия: ежегодно

Метод воздействия:

- отправка персонала в отпуска в осенне-зимний период;
- дробление времени нахождения персонала в отпуске на короткие отрезки;
- отъезд в служебные командировки прямо с рабочего места в Солидном учреждении.

При этом персонал утром является на рабочее место с вещами. Предварительно проводится хронометраж времени, затрачиваемого на дорогу к месту отправления транспорта дальнего следования (вокзал, аэропорт). Персонал покидает рабочее место для отправки в командировку строго в расчётное время.

– прибытие из служебных командировок непосредственно на рабочее место, а не на место жительства. Исключения составляют случаи возврата из служебной командировки в ночное время;

Раздел 4.

Дресс-код.

Периодичность воздействия: ежедневно.

Метод воздействия:

- обсуждение одежды и выражения лиц персонала в неподвзятой форме;
- постоянное изменение правил дресс-кода;
- периодическое обеспечение персонала предметами гардероба и интерьера из числа собственных малоношенных предметов с последующим контролем их использования по прямому назначению.

Последний метод воздействия может относиться к числу поощрительных мер».

Прочитав этот текст, Наина Генриховна глубоко задумалась. Она уже давно намечала внести в этот документ некие дополнения.

«Валюшка уже старая, – размышляла Наина Генриховна, – её не перевоспитаешь. Пожалуй, и на пенсию может сбежать. Надо нанимать молодой персонал. Но молодёжь может уйти на другую работу или в отпуск по уходу за ребёнком».

Наина Генриховна встала. Кресло, обитое черной кожей, скрипнуло. В начальственном кабинете на одной из стен висело зеркало. Его поверхность часто отражала представительную фигуру крупного руководителя. Вот и сейчас Наина Генриховна, как в первый раз, с огромным интересом рассматривала своё отражение. Тут же, возле её ног вертелись Балдошка и Буланчик. Наина выглядела великолепно. Её прямая фигура, избежавшая возрастных изменений, была облачена в костюм из твида. Жакет украшали блестящие пуговицы размером с хорошее кофейное блюдце. Поверх воротника жакета воинственно возлежал воротник любимой блузки, отделанный в стиле ришелье.

– Пиши, Балдошка, следующий раздел документа, – скомандовала Наина Генриховна.

Балдошка быстренько забралась в кожаное кресло и, развернувшись личиком к компьютеру, приготовилась печатать.

Голос Наины Генриховны звучал ровно, каждое слово она произносила отчетливо и внятно. Так учитель произносит текст диктанта ученикам младших классов. Иногда Балдошка давала своей патронессе советы тихим тоненьким голоском. Вот что стало итогом их совместного творчества:

«Раздел 5.

Порядок приема на работу новых сотрудников.

Периодичность: по мере необходимости.

Методы отбора и оценки личных качеств:

- образование претендента должно быть средне-высшим;
- лицо претендента должно быть глуповатым и выразить готовность выполнять любые указания;
- в целом внешний вид претендента должен быть невзрачным, одежда дешёвой и неброской;

- возраст претендента должен быть неопределен на взгляд, половая и национальная принадлежность выражена не явно;*
- претендент должен быть равнодушен к деньгам и прочим материальным благам, но чувствителен к моральным поощрениям и взысканиям;*
- при найме на работу претендент должен представить медицинскую справку о невозможности иметь детей».*

Глава 16

Творческий процесс был в самом разгаре, когда подал голос один из телефонных аппаратов на столе у Наины Генриховны. У аппарата не было ни диска, ни кнопок. В прежние времена бывало так, что на столах у высоких руководителей размещалось по нескольку таких, странных на первый взгляд, аппаратов. Они предназначались для непосредственной связи лишь с одним человеком на всём белом свете. И человек этот был ещё более высоким руководителем – то есть вождём. Наина Генриховна, прижав трубку к уху пару минут молча слушала, потом ответила коротко:

– Сейчас буду, Геннадий Петрович.

– Меня Фальцетов вызывает, – при этих словах металл в голосе крупного руководителя зазвенел туго натянутой струной.

Балдошка и Буланчик слаженно закивали головками.

Наина Генриховна ещё раз подошла к зеркалу, вооружившись пудреницей и губной помадой. Поправила макияж на лице и ришелье на плечах. Отступив на шаг от зеркала, крупный руководитель ещё раз осмотрела себя от макушки до пяток. Вполне довольная собой, она последовала к кабинету вождя солидного учреждения.

Геннадий Петрович Фальцетов полностью соответствовал представлениям Наины Генриховны Убываловой о хорошем работнике. Невеликий рост и неприметная наружность не выдавали его возраста. Однако хороший костюм и швейцарские золотые часы свидетельствовали, что человек этот нерядовой. Впрочем, Наина Генриховна, плохо разбиравшаяся в брендовой одежде и часах, не замечала этих недостатков своего шефа.

– Геннадий Петрович руководит мною непосредственно, не передал руководство ею ни одному из своих заместителей, – так говаривала она.

И каждому становилось ясно, как горда она этим обстоятельством.

Появление Наины Генриховны руководитель Солидного учреждения, как обычно, почтил вставанием.

– Прошу садиться, Наина Генриховна, – Геннадий Петрович сделал приглашающий жест рукой. – В прошлую встречу мы намеревались обсудить финансовые результаты деятельности возглавляемого вами отдела. В частности, плачевные итоги прошедшего квартала.

Геннадий Петрович произнес пространную речь о тяжелом финансовом положении подразделения, возглавляемого Наиной Генриховной. Время от времени в интонациях голоса вождя Солидного учреждения проскакивали нотки раздражения.

– Не только о плачевных финансовых результатах я хотел говорить с вами сегодня, – Геннадий Петрович неожиданно сменил тему. – Я получаю информацию из различных источников. Информация эта часто удивляет меня. Многие в вашей деятельности кажутся мне странным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.